

О. В. Шаров, Е. В. Лурье

Хроника жизни «Хронографа»

По традиции, заведенной М. Б. Щукиным с 1982 года, семинары «Хронограф» собирались в каждый первый понедельник месяца в 19:00 у него дома, сначала на улице Володи Ермака, а затем на Поварском переулке. Эта традиция была продолжена его учениками, начиная с 2009 года, и продолжается по сей день. Местом сбора стал античный отдел ИИМК РАН, куда приходят как «старые семинаристы», так и новые, и все участвуют в работе семинара. Еще больше участников семинара активно обсуждает тезисы докладов, вывешенные заранее в интернете. К моему сожалению, далеко не все доклады и, особенно, их обсуждение вошли в данную хронику работы семинара. Здесь представлены лишь темы, которые вызвали наибольшие споры и дискуссии, как на самом семинаре, так и на сайте группы «Хронограф»¹.

**Тезисы докладов,
прочитанных на семинаре
«Хронограф» в 2009—2011 гг.
и их обсуждение на сайте
группы «Хронограф»
в «Контакте.ру»**

1. 25 марта 2009 г. — А. Дроздова, И. Бажан, Е. Лурье
2. 11 января 2010 г. — О. Шаров
3. 8 февраля 2010 г. — Е. Лурье
4. 12 апреля 2010 г. — С. Каргапольцев
5. 8 ноября 2010 г. — И. Бажан
6. 20 декабря 2010 г. — О. Шаров
7. 17 января 2011 г. — Ю. Шевченко
8. 20 февраля 2011 г. — Е. Лурье
9. 24 марта 2011 г. — О. А. Щеглова, О. А. Радюш

¹ Поскольку данные материалы впервые публиковались в Интернете, смайлики — :),))) и т. п. — сохранены в том же виде, в каком они были в оригинале. — *Прим. ред.*

**Семинар 25 мая 2009 г.
в здании ИИМК РАН,
комната 201, античный отдел,
19:00**

Илья Бажан

24 мая 2009, 12:37

Доклады:

1. Дроздова Анна. О технологии изготовления предметов с перегородчатой эмалью на юге Франции (г. Конк, г. Лимож) в X—XIII вв.
2. Бажан Илья. О пряжках типа Радатц U и Радатц С в Северном Причерноморье.
3. Лурье Екатерина. Ажурные шлемы из Прикамья: генезис и хронология.

Анна Дроздова

24 мая 2009, 23:06

**О технологии изготовления предметов
с перегородчатой эмалью на юге Франции
(г. Конк, г. Лимож) в X—XIII вв.**

Лимож возник на месте римского поселения Augustoritum Limovices и своим именем обязан жившему на этих землях галльскому племени Lémovices. В XI в. город становится центром виконтства и Лиможского диоцеза. В XI—XII вв. аббатство становится уже крупнейшим центром религиозной и интеллектуальной жизни Франции.

Производство эмалевых изделий возникло не на пустом месте — в Аквитании существовала древняя местная традиция производства предметов с эмалью. Недалеко от Лиможа, в 35 километрах в Ла-Гиерш, была найдена ваза, выполненная из меди и покрытая выемчатой эмалью. Она сейчас хранится в Музее Метрополитен. Датируется III в. н. э.

«Классические» выемчатые эмали появляются в Лиможе не раньше XII в.

История «южных» эмалей начинается в монастыре Сен-Фуа в Конке, к югу от Лиможа. Здесь, в мастерской аббата Бегона III

(1087—1106), около 1100 г. создавались вещи с перегородчатой эмалью.

Выявлены 4 типа производства:

1. Технология, которую описывает Теофил. Ювелир использовал откованную пластинку, напаивал на нее по нужному ему узору (чаще всего это были медальоны, следовательно, узор был круглый) высокий бордюр — так называемый «бордюр эмали». И уже непосредственно в этих границах палялись перегородки по задуманному рисунку. В качестве примеров можно привести пластины с изображением Луны (X в.) и Христа во Славе (XII в.).

2. Технология, свойственная мастерским Конка. Мастер работает с двумя пластинами (пластина А и пластина Б). На пластине А вырезается общий контур будущего эмалевого изображения. На пластине Б, которая является нижней, напаиваются перегородки по тому же контуру (то есть образуется своеобразный «бордюр»). Затем две пластины спаиваются в месте соединения перегородок на пластине Б и внешнего контура рисунка на пластине А. В сделанном таким образом медальоне в углубление напаивают основные необходимые перегородки. В качестве примеров можно привести алтарь Св. Фоя (XII в.), медальоны с Моисеем и Хосе (XII в.).

3. Общая выемка под весь узор уже не оттискивалась или выдавливалась в откованной пластине, а вырезалась острым инструментом, затем в нее напаивались перегородки. В данной технике была выполнена, например, пластина с изображением старца Апокалипсиса (XII в.).

4. Технология производства классических выемчатых эмалей, когда для каждого элемента в узоре делается отдельная выемка.

Хронологические рамки данных периодов пока можно [назвать] только условно.

1 период — X — начало XII вв.

2 период — конец XI — нач. XII вв.

3 период — начало XII вв.

4 период — XII—XIII вв.

Итак, сама технология производства металлургической основы под эмаль (которая и являлась предметом изучения) развивается по линии упрощения производства, а не в сторону его усложнения, как это происходило в Византии. Одновременно с этим происходит усложнение стиля изображений, от архаичного на раннем этапе, с небольшим количеством перегородок, до более декоративного на позднем этапе — уже с большим количеством перегородок для передачи мелких деталей.

Илья Бажан

24 мая 2009, 23:21

О пряжках типа Радатц U и Радатц С в Северном Причерноморье

1. Городище у села Красный Маяк (бывш. Бизюков монастырь) относится к наиболее ярким памятникам позднескифской культуры первых веков н.э. нижнего Поднепровья. Оно расположено вблизи одного из немногочисленных днепровских конных бродов и имеет обширный некрополь. В 1976—77 гг. Э.А. Сымонович на некрополе у с. Красный Маяк раскопал более 40 могил (Сымонович 1977; Сымонович, Гей 1978. С. 388). Через 10 лет масштабные работы на некрополе были продолжены О.А. Гей и И.А. Бажаном (Гей, Бажан 1993. С. 52—59).

2. В результате исследований установлено, что погребальный обряд этого могильника представлен традиционными для позднескифских городищ типами погребальных сооружений: земляными катакомбами, подбоями, простыми грунтовыми ямами. Эти типы погребений характерны для населения позднескифских городищ I—II вв. н.э.

3. Среди этих классических позднескифских погребений выделяется по инвентарю и по погребальному обряду небольшая группа захоронений по обряду трупосожжения. К сожалению, эти могилы были обнаружены в самом верхнем, сильно разрушенном слое могильника. Произошло это совершенно случайно. Э.А. Сымонович в 1977 г. использовал для вскрытия верхнего слоя и сдвигания мусора бульдозер. В ходе этих работ было открыто первое на позднескифском могильнике ямное трупосожжение.

4. О.А. Гей и И.А. Бажан выделили 4 группы погребений на некрополе Красного Маяка. К 4-й группе погребений, помимо трупосожжений, они отнесли также и грунтовые могилы младенцев с вертикальными стелами. Самое уникальное детское погребение, содержащее вещи круга эмалей, было открыто в 1986 г. и вскоре опубликовано (Бажан 1993). На основании анализа погребального инвентаря этих комплексов было установлено, что 4-я группа погребений имеет бесспорные связи с балтским кругом древностей (вещи круга эмалей).

5. На северо-западные связи указывают также находки двух пряжек из типичных позднескифских погребений. Так, из катакомбы 96 происходит довольно редкая на позднескифских памятниках поясная пряжка типа Радатц «U». К сожалению, ко-

стык №3, на пояс которого достоверно находилась эта пряжка, лишен иного погребального инвентаря, хотя катакомба может быть датирована достаточно узко. Пряжка из второго комплекса несколько иного варианта, но она также в целом относится к группе пряжек Радатц «U».

6. Различные варианты пряжек Радатц «U» встречаются на памятниках различных культур. Большинство отечественных исследователей называют их сарматскими. Встречаются они и в античных центрах.

7. Однако массовые находки таких пряжек характерны для иного и достаточно удаленного региона: это Северная Германия и Северная Польша. Данный тип пряжек был впервые выделен по материалам северогерманских могильников (Шлезвиг, Гольштейн, Западная Померания) в 1957 г. Клаусом Радатцом (Raddatz 1957). В своей фундаментальной работе он наметил их эволюцию и предложил датировки различных вариантов таких пряжек. В дальнейшем сводку данного типа изделий для Польши сделала в 1986 г. Рената Мадыда-Легытко (Madyda-Legytko 1986). В отечественной литературе лишь в самое последнее время появились работы, посвященные этому типу пряжек (Труфанов 2005).

8. Нами предпринята попытка картографирования находок таких пряжек для территории юга России и, опираясь на работы К. Радатца и Р. Мадыды-Легытко, намечено их типологическое членение.

9. Исходя из карты распространения данного типа пряжек нами установлено, что находка пряжек группы Радатц «U» в комплексах позднескифского могильника Красный Маяк, скорее всего, связана с северо-германским миром. Их появление в составе позднескифского костюма можно объяснить разными способами: торговля, военная добыча и т. д. Если сопоставить появление таких новых для позднескифского костюма деталей с упоминаемыми выше находками вещей круга эмалей в детском погребении и погребениями по обряду трупопожжения, то, по нашему мнению, можно говорить об активной инфильтрации населения Балтики во II в. н. э. в регион Нижнего Поднепровья.

Олег Шаров

25 мая 2009, 0:38

Молодцы, не вижу радости оппонентов.

Екатерина Лурье

25 мая 2009, 9:44

Сармато-германские связи: решетчатые шлемы

Ажурные или решетчатые шлемы занимают особое место среди защитного вооружения эпохи Великого переселения народов и эпохи Меровингов. Несколько экземпляров найдено на разных окраинах ойкумены: на юге — в Прикубанье и на Кавказе, во II—III вв. н. э. (Тбилисская 6, хут. Городской); на востоке — в Прикамье в V в. (Тарасовский 782, Тюм-Тюм 36, Нивский 80, Нивский 10, Суворовский 27); на севере — в Торсберге в III в. и в Швеции на рубеже VI—VII вв. (Вальсгерде 5, Вальсгерде 6, Ультуна) и на Западе — в Бенти-Гренж.

На основании формы составляющих купол шлема полос и вида каркаса можно выделить несколько типов ажурных шлемов:

— шлемы, состоящие из вертикальных полос;

— шлемы, состоящие из Y-образных (раздваивающихся) полос с крестовым или шестилучевым каркасом;

— шлемы, состоящие из диагональной решетки, обода и продольной полосы каркаса (т. е. бандхельмы).

К шлемам первого типа относятся Тюм-Тюм 36 и Тарасовский 782. Среди отдаленных аналогий можно назвать шлем из погр. у хут. Городской, а также изображения на колонне Траяна.

Шлемы из погребения Суворовский 27 и Нивский 80 состоят из крестового каркаса и Y-образных полос. Ближайшую аналогию им представляет ажурный бронзовый шлем из погр. 6 у ст. Тбилисская, который датируется второй половиной II — первой половиной III вв. н. э. Практически идентичен этим шлемам экземпляр из Вальсгерде 6. Данный шлем обладает полумаской, прототипы которой также были встречены на прикамских могильниках (Худяковский 88).

Конструкция шлема Вальсгерде 5 представляет собой дальнейшее развитие «крестовых» шлемов (то есть позднеримских шлемов, полусферы которых не цельные, а склепаны из трех сегментов — например, Deutne, Концешты, Беркасово I, Burgh Castle). Ажурные вставки заполнены диагональной решеткой. Из подобной решетки выполнен и шлем из Ультуны. Защита шеи

обоих этих шлемов представлена бармицей из металлических полос на шарнирах — единственные известные аналогии которой также происходят из прикамских могильников (Суворовский 30).

Возможно, последние два шлема генетически связаны с серебряной обкладкой шлема из Торсберга (Дания). Однако вполне вероятно, что эта находка имела восточное происхождение.

Выводы

Ажурные шлемы не имеют аналогий в Европе и никак не выводятся из римских шлемов. Схожие находки (ст. Тбилисская, хут. Городской) и изображения (колонна Трояна) связаны с сарматами.

В шлемах Прикамья, Англии и Средней Швеции представлена особая модель синтеза римских и восточных (сасанидских и/или сарматских) признаков, отличная от господствовавшей в Центральной и Западной Европе.

Прикамские и вендельские шлемы обладают рядом общих черт:

- Низкий полусферический купол;
- Крестовой каркас;
- Шлемы из Y-образных полос;
- Бармица из полос на шарнирах;
- Декоративные надбровья;
- Полумаски;
- Сочетание в одной серии ажурных шлемов, сложносоставных и литых бандхельмов, а также вышеперечисленных признаков.

Можно назвать этот набор признаков периферийным, противопоставив его, таким образом, доминирующей в Европе традиции шпангенхельмов с высоким сфероконическим куполом, состоящих из каркаса (обода и «стяжек») и четырех или шести треугольных или миндалевидных сегментов (тип Бальденхайм).

Однако эти серии находок из Прикамья и Средней Швеции разделяют 200 лет и несколько тысяч километров. Чем же объяснить такую странную переключку?

Кажется возможным предположить если не сходные исторические условия, то хотя бы миграции более или менее тождественных групп населения. Традиционно (А. Ф. Геннинг, Р. Д. Голдина, М. Б. Шукин и др.) эти группы населения связываются с готами и черняховской культурой. Но тогда остается вопрос: почему же готы, носители «центральной» традиции шпангенхельмов, приносили с собой

другой, «периферийный» набор шлемов? Возможно, имеет смысл предположить более интенсивное влияние сарматских и сармато-германских смешанных групп.

Таким образом, вендельские шлемы — и ажурные вендельские шлемы в особенности — можно считать еще одним доказательством влияния сарматской военной аристократии на северных германцев.

Игорь Бажан

25 мая 2009, 10:32

Олег, покажи Кате работу о прикамских ажурных шлемах, писаную мной где-то в начале 90-х. Вот где издавали — не помню. Там я что-то говорил про Иран, смутно помню. А в целом прекрасно, непременно подари от меня шоколадку...

Игорь Бажан

25 мая 2009, 13:00

Михалыч, а где в этой схеме находки из Суворовского могильника, которые, по мне, конца II — конца III вв.?

Екатерина Лурье.

26 мая 2009 в 4:43.

Спасибо за критику!

Начну отвечать с конца. :)

Саймон Джеймс разделит позднеримские шлемы на два типа — состоящие из двух цельнокованных половин (Интерциза, Вормс, Беркасово 2 и т.п.) и состоящие из двух половин, собранных из сегментов (Дерне, Беркасово 1 и т.п.; с Концештами, на самом деле, все сложнее). Я просто предположила, что вендельские шлемы типа Вендель 14, Вальсгерде 5, Вальсгерде 8, состоящие из двух половин, склепанных из 4—8 сегментов каждая, представляют собой дальнейшее развитие второго типа.

Естественно, не все вендельские шлемы ажурные. Собственно, только три. Однако на их примере заметны некоторые типичные для всей серии элементы, сближающие эту группу шлемов с прикамскими.

Мне кажется, что шпангенхельмы типа Бальденхайм — это боковая ветвь развития. Вендельским шлемам они приходится дальними родственниками. Что находится между позднеримскими шлемами и Саттон-Ху как самым ранним «вендельским» — не знаю... Возможно, этот х = Византия.

Пока, на мой взгляд, можно только выделить две традиции — «центральной» и «периферийную».

Екатерина Лурье
26 мая 2009, 5:00

Игорь Анатольевич, я, конечно же, читала Вашу статью. Мне показалось, что «парфянская» версия базируется, в основном, на граффити из Дура-Эвропос, на котором все же не совсем понятно, что изображено...

Но на всякий случай, по традиции, я его честно включила в презентацию.

Игорь Бажан
26 мая 2009, 12:33

Катя, просто на востоке совсем плохо с археологией и публикацией, то же, что с полихромией — вроде есть, или должна быть, а вроде и нет, так, наметками. Когда писалась работа, не было вообще ничего. На самом деле никогда чисто шлемами не занимался, занимался хронологий. Очень хотелось найти лишний аргумент при датировке азелинской культуры, которую друзья и сподвижники А. К. А. тянули в IV или даже в V вв. Для меня было главное, что это точно III в. или раньше. Кроме того, много косвенных улик было, которые не вошли в статью. Марк Шукин также одобрял ссылки на Иран, говорили про это с Володией Лукониным. Он говорил, точно, наше, и много другого. При случае, если тему не забросите, поговорим, если жив буду. А в целом очень хорошо.

Игорь Бажан
26 мая 2009, 12:37

Михалыч, в двух словах, про особенность восточной археологии и отсутствие вещей в литературе, самому интересно, и Кате тоже будет.

Олег Шаров
1 июня 2009, 23:33

Приятно, что идет обсуждение и есть всегда рядом два самых активных участника — ветераны семинара...

Илья Ахмедов
2 июня 2009, 22:49

Ребятам спасибо за выложенные тезисы. Продолжение этой практики будет?

Семинар 11 января 2010 г.
в здании ИИМК РАН,
комната 201, античный отдел,
19:00

Олег Шаров
8 января 2010, 23:56

Краткие тезисы доклада.
Хронология конских
погребений Большого кургана
Васюринской горы

В. Г. Тизенгаузен в 1869 году открыл и описал отдельно 4 конских погребения у входа в склеп Большого кургана «Васюринской горы». По его краткому описанию в ОАК за 1869 год инвентарь конских захоронений можно разделить на четыре отдельных комплекса, учитывая при этом результаты работ Е. В. Власовой (1998; 2004а; 2004б). К погребению коня №1 относится набор из бронзовых позолоченных фаларов со стеклянными вставками и уздечный набор с бронзовыми кольцами с прямоугольными пластинами и секировидными подвесками. На основании анализа типов вещей его можно датировать концом II — первой половиной III в. н. э. К погребению коня №2 относится набор бронзовых нагрудных пластин. На основании аналогий его можно датировать началом II в. до н. э. К погребениям коней №3 и №4 относятся железные позолоченные налобники, железные позолоченные С-образные псалии с шариками на концах и железные позолоченные перстневидные бляхи. На основании аналогий можно датировать эти комплексы III в. до н. э.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что при строительстве склепа в III веке до н. э. каменные ящики были построены у входа одновременно с ним и тогда же были совершены первые конские захоронения. Вероятно, два из них (№3 и №4) сохранились нетронутыми с того времени. Остается только гадать, были ли изначально захоронения во всех четырех ящиках или только в двух. В начале II в. до н. э. склеп был вскрыт для следующего погребения, от которого в самом склепе сохранились лишь фрагменты родосских амфор, а при входе было совершено сопровождающее его погребение коня №3 в бронзовом нагруднике. В конце II — первой половине III в. н. э. склеп был вновь вскрыт, в нем было совершено еще одно погребение, при котором были разрушены или потревожены все более ранние погребения в склепе, тогда же при входе в камен-

ном ящике было совершено захоронение коня №1 с фаларами со стеклянными вставками.

Олег Шаров

9 января 2010, 1:38

Статья должна быть опубликована: Боспорские исследования, том XXII, 2009 г. Это статья около 2 печ. листов. Сдана в декабре 2008 г. в печать.

Олег Шаров

9 января 2010, 11:47

Все, что рассказал Тизенгаузен о раскопках этих комплексов, издано в ОАК за 1869 год, в архиве почти ничего нет, не любил барон писать подробные отчеты, есть только одна опись, я ее воспроизведу, где как раз и упоминается пряжка и т. д. Естественно, ни одной картинке не было до издания АДЖ Ростовцева в 1914 году, там все данные были вновь переопубликованы и проведен анализ всех вещей. Я подробно разобрал всех авторов в статье, все четыре конские погребения сводилось к одному единому комплексу и все вещи датировались либо 4/3, либо 3/2 вв. до н. э. Только Лена Власова попыталась выделить вслед за бароном Тизенгаузеном четыре конских захоронения. Лена Власова работает в античном отделе ГЭ, хранит эти вещи, у нее вышло 3 статьи по поводу этого, постараюсь тебе дать ссылки.

Олег Шаров

9 января 2010, 12:34

Вот ссылки на статьи Лены Власовой:

Власова Е. В. 1998. О склепе Большого Васюринского кургана. В: Раев Б. А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 6-го археологического семинара*. Ч. 1. Краснодар, 15—18.

Власова Е. В. 2004. Курганы Васюринская гора на Таманском полуострове. *Эллинистические штудии в Эрмитаже*. Санкт-Петербург, 158—174.

Власова Е. В. 2004 а. Курганы Васюринской горы. В: Зуев В. Ю. (ред.). *Боспорский феномен*. Ч. 1. Санкт-Петербург, 275—287.

Олег Шаров

9 января 2010 в 12:43.

Вот подробный разбор почти 2-летней давности хронологии конских погребений Большого кургана Васюринской горы.

Хронология выделенных комплексов

Погребение №1

Сложнее всего обстоит дело с датировкой комплекса конского погребения №1. Это связано с тем, что бронзовые позолоченные фала-

ры со стеклянными вставками настолько уникальны по стилю декора, что прямые аналогии им мне до сих пор неизвестны. Большие стеклянные вставки и крупные вставки полудрагоценных камней начинают использоваться для украшения блях конского оголовья и поперся, прежде всего, в I веке н. э. Вероятно, этот стиль декора деталей конского убора начал формироваться ранее, в середине — второй половине I века до н. э., если можно отнести к предметам украшения уздечного набора комплекс блях из Зубовского хутора (Мордвинцева, Трейстер 2007: №№B13.6; B13.7, таб. 9).

Для нас более интересен комплекс тайника №1 кургана №1 могильника Дачи, который датируется второй половиной I века н. э. В составе конского убора из этого тайника есть два фалара, у которых способ крепления камней к бронзовой основе идентичен способу крепления стеклянных вставок к основе у шести фаларов погребения №1 «Васюринской горы». Вставки агатов были просверлены и крепились к бронзовой основе сквозным штифтом (Сокровища сарматов 2008: 100—101, №22; L'Or des Amazones 2001: Nr. 235). Вероятнее всего, крупная сердоликовая вставка в золотом медальоне из погребения №254 у с. Заветное также крепилась к основе при помощи центрального штифта (Мордвинцева, Трейстер 2007: №№A79.1, таб. 12). Таким же способом в I—IV вв. н. э. при помощи сквозного штифта крепились к рукоятям мечей наконечники из стекла и полудрагоценных камней (Засецкая, Гущина 1994, №186, Таб. 20; Безуглов 2000: рис. 2—3; Sharov 2003: Abb. 2; von Carnap-Bornheim 2003: Abb. 1—2). Можно видеть, что традиция украшения крупными стеклянными вставками и специфический способ их крепления появляется в римское время, но тип декора «бегущая волна» и техника его нанесения путем золочения бронзы может свидетельствовать и о более раннем времени их изготовления. Не случайно А. В. Симоненко пишет, что «бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками, по справедливому замечанию М. И. Ростовцева, характерные для римского времени, указывают на сравнительно позднюю дату захоронения. Орнамент в виде “бегущей волны”, которым украшены бортики фаларов, часто встречается на шлемах типов Монтефортино и Манхайм II—I вв. до н. э.» (Симоненко 2007: 108—109). Автор предложил датировать фалары II в. до н. э., исходя из общего анализа всего комплекса находок из конских погребений «Васюринской горы». Я хочу при этом заметить, что золочение бронзы или нанесение на бронзовую

основу золоченого орнамента в античном искусстве было известно с давних времен, но мы не знаем для классического времени и эпохи эллинизма бронзовых ювелирных позолоченных изделий, украшенных крупными стеклянными вставками. Такого рода предметы массово появляются в Римской Империи в I в. н. э. и существуют до эпохи Северов, т. е. до начала III в. н. э. Это, прежде всего, «*donna militaria*», или награды римской армии: бронзовые позолоченные фалеры, которые крепились на перекрестных ремнях поверх панциря и которые в ряде случаев трудно отличить от конских фаларов, а также большие стеклянные камни в золотой или бронзовой оправе (Колобов 1998: 27—28). Позднее, уже после реформ Септимия Севера в первой половине III века н. э., стали золотиться бронзовые и серебряные Т-образные шарнирные или луковичные фибулы (*Zwiebelknopffibel*), на которых при этом часто наносился гравировкой или чернью различный орнамент, причем излюбленным был именно орнамент в виде «бегущей волны» (Шаров 1999: 189—205, рис. 2—3). Исходя из этих сугубо предварительных размышлений, я полагаю, что бронзовые позолоченные фалеры со стеклянными вставками следует датировать на данном этапе исследования I—II вв. н. э.

Попробуем датировать остальные детали упряжи, происходящие из этого комплекса. Уздечному набору, состоящему из бронзовых колец удила с прямоугольными разновеликими фасетированными пластинами, бронзовой пряжки, колокольчика и четырех секировидных подвесок, имеются очень четкие аналогии среди материалов раскопок кургана №12 могильника Высочино VII вблизи Азова (Безуглов 1997: 133—142). Это комплект металлических принадлежностей и украшений уздечки, происходящий из впускного погребения №1. Они достаточно компактно концентрировались в северо-западной части могилы. Там были найдены фрагментированные железные удила с бронзовыми кольцами в свободных концах. На каждое кольцо надето по два разновеликих серебряных зажима для крепления ремней повода и оголовья (Безуглов 1997: рис. 1: 2—3). Кроме того, здесь были найдены пара секировидных бляшек — подвесок к уздечке (обе имеют бронзовые подкладки с оборота) (Безуглов 1997: рис. 2: 9—10), пара серебряных овально-рамчатых пряжек с округлыми щитками (Безуглов 1997: рис. 2: 20—21). Можно видеть, что и бронзовые кольца удила с фасетированными разновеликими пластинами, и секировидные бляшки-подвески, и бронзо-

вая пряжка из комплекса конского погребения №1 «Васюринской горы» имеют полные аналогии среди инвентаря азовского погребения. Это подтверждается словами автора публикации: «Уздечный набор из высочинского погребения входит в очень монолитную стилистико-хронологическую группу. Удила с бронзовыми кольцами во внешних концах, снабженные парой разновеликих зажимов, имеют синхронные параллели в кургане I Жутовского могильника, среди остатков уздечного набора, обнаруженного в склепе на Васюринской горе; в Ульском ауле, 1909 г.

Важнейшим диагностирующим компонентом группы уздечных наборов, к которой принадлежит и рассматриваемый, являются серебряные пластинчатые подвески, крепившиеся к ремням оголовья с помощью одной заклепки, находящейся на прямоугольном выступе в верхней части. Они хорошо известны в Подонье («Четыре брата», 3/6; Высочино 11, к. 8; Мехзавод, к. 2; Камышевский I, 8/1; Жутово, к. I; Танаис, к. 12/1972 г.), в Южном Приуралье (Джанатан, Лебедевка и др.), единично встречены в Закубанье (Ульский аул, 1909 г.) и на Таманском полуострове (Васюринская гора)» (Безуглов 1997: 136—137). Приведенные параллели позволяют датировать комплекс уздечных украшений из «Васюринской горы» в пределах последней трети II — первой половины III вв. Полученную дату можно скорректировать на основании анализа ременной гарнитуры позднесарматского времени, проведенного В. Ю. Малашевым (Малашев 2000). Для его хронологической группы ПА (200/220—250/260 гг.) главным стилистическим, а также хронологическим признаком является появление фасетировки практически на всех деталях ременной гарнитуры. В этот период появляются практически все типы пряжек и с полукруглой, и с прямоугольной рамкой и круглым и прямоугольным щитком. Бляхи-подвески конского убора также фасетированы или загнуты по краям и представлены уже и овальной, и секировидной формы. Следует также отметить, что уже в комплексах этой группы встречены фасетированные наконечники поводьев разной длины» (Малашев. 2000: 199—200. Рис. 4). Как можно видеть, все детали упряжи, представленные в нашем случае, имеют четкие параллели среди позднесарматских древностей первой половины III в. н. э.

Таким образом, если принимать данный состав конских украшений как принадлежащих к одному конскому захоронению (фалеры и уздечный набор), то, по совокупности всех имеющихся данных, я датировал бы его

на данном этапе исследования концом II — первой половиной III в. н. э.

Погребение №2

Я отнес к этому комплексу на основании текста В.Г. Тизенгаузена детали бронзового конского нагрудника и, возможно, детали оголовья: нащечники, выполненные также из тонких бронзовых пластин с циркульным орнаментом. Комплект удила и иные части конского убора для этого погребения неизвестны. Вероятно, они были железными и, как в случае со стержневидными псалиями с зубчатыми концами, грызла и другие части (в тексте В.Г. Тизенгаузена: «принадлежащие к ним железные мундштуки и кольца») не сохранились, либо остались в Керченском музее. Я уже писал, что проблема датировки этих пластин была недавно затронута А.В. Симоненко (Симоненко 2007: 108—109). Он пишет: «Нагрудник из Острого — весьма интересная находка, особенно для территории Украины. Сейчас, после выхода работ Е.А. Бегловой (Беглова 2002), Б.А. Раева и Г.Е. Беспалого (Раев, Беспалый 2006), стало ясно, что в эллинистическое время варвары Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья использовали конский убор особого типа, впервые найденный еще при раскопках кургана №1 Васюриной Горы (Ростовцев 1914: табл. XX, 1, 2). В одной из конских гробниц этого кургана были обнаружены узкие прямоугольные пластины, подобные пластинам из Острого, с таким же орнаментом и подвешенными “полуколокольчиками”» (Симоненко 2007: Рис. 9.2) и фрагментированная фигурная пластина с пуансонным орнаментом и подвешенными к нижнему краю лунницами (Симоненко 2007: рис. 9.3), украшавшая нагрудник другой конструкции. Практически аналогичны ей (Симоненко 2007: рис. 9.4—6) пластины из ритуального комплекса №1 Тенгинского некрополя (Беглова 2002: 158, 159; рис. 2, 3) и культового комплекса в кургане на грунтовом могильнике Новолабинского IV городища (Раев, Беспалый 2006: 40, 41. Табл. 38, 1, 5)» (Симоненко 2007: 108—109).

Я уже писал выше, что А.В. Симоненко, опираясь на анализ хронологии всех предметов из конских погребений «Васюринской горы» как единого комплекса, датировал его II в. до н. э. Я полагаю, что он частично прав, однако его датировка применима не для всех комплексов захоронений, а именно для данного конского захоронения. Е.А. Беглова датирует жертвенный комплекс Тенгинского некро-

поля первой четвертью II в. до н. э. (Беглова 2002: 159), нагрудник из этого комплекса наиболее близок типологически и по стилю декору бронзовому нагруднику из погребения №2 «Васюринской горы». Поэтому я полагаю, что этот комплекс можно датировать также первой четвертью II в. до н. э. Вероятно, это время вторичного вскрытия склепа и последующего захоронения, к которому относятся разрушенное погребение в склепе, от которого сохранились лишь фрагменты родосских амфор с клеймами первой четверти II века до н. э., и синхронное погребению в склепе захоронение коня при входе.

Погребения №3 и №4

По поводу хронологии типов предметов, которые я отнес к этим захоронениям, особых сомнений не возникало — по налобнику с головкой грифона и С-видными псалиям с шариками на концах эти погребения можно датировать временем сооружения склепа (Ростовцев 1912; Власова 2004: 165), то есть первой половиной III века до н. э. Сомнения появились в последнее время у А.В. Симоненко. Он пишет, что: «подобные детали узды встречаются в некоторых “кладах” II—I веков до н. э.: бронзовые С-видные псалии с окончаниями в виде рубчатых (но не зубчатых) шариков — в Веселой Долине, бронзовые и серебряные перстневидные бляхи — в Смигиревке и Великопоском. Налобники с головками грифонов не имеют прямых аналогов, но, несомненно, относятся к классу позднескифских налобников “с крючком” III—I вв. до н. э. Создается впечатление, что псалии и остальной уздечный набор из Васюриной Горы — более изысканный, “парадный” вариант перечисленных аналогов» (Симоненко 2007: 108). Тем не менее, можно видеть, что налобники с крючком являются позднейшей модификацией налобников с головками грифонов типа «Васюринской горы» и типа Карагодеуашха (Полин 1992: рис. 8.21, 22), и относить железный позолоченный налобник ко II—I вв. до н. э. у нас нет никаких оснований (Симоненко 2001: рис. 5—6).

То же самое можно сказать по поводу С-видных псалий из «Васюринской горы», которые украшены серебром и золотом, на концах имеют зубчатые шарики и рубчатые кольца на стержнях. И псалии, и налобники, и перстневидные бляхи были изготовлены из железа, которое затем было позолочено, и вместе они составляют единый стилистический набор. Учитывая мнение А.В. Симоненко о том, что в данном случае

мы исследуем «парадный и более изысканный вариант» предметов конской упряжи, характерных для II—I вв. до н.э., я предлагаю более широкую дату для комплексов конских захоронений №3 и №4 — III в. до н.э. При этом я полагаю, что эти два конских захоронения скорее всего относятся ко времени основного погребения в склепе, хотя не исключаю и других решений.

Олег Шаров

10 января 2010, 12:46

Рисунки в альбоме Хронографа «К докладу 11 января 2010 года»

Рисунки 8—9 — погребение №1; 10—12 — аналогии конскому убору. Рис. 4—5 — погребение 2 и рис. 13 и 14 — аналогии к конскому убору погребения №2; рис. 15 — погребения 3—4 и рис. 16—18 — аналогии деталям конского убора.

Игорь Бажан

13 января 2010, 0:01

А хорошо бы публиковать списки присутствующих. Как раньше это делали. У меня на даче есть Сымоновичские копии списков тех, кто был на заседании сектора в 60-х и 70-х годах. Это интересно было бы, потом. А будет оказия — и тиснуть их приложением к какому-нибудь сборнику.

Олег Шаров

13 января 2010, 1:22

Принято — сделаем.

**Семинар 8 февраля 2010 г.
в здании ИИМК РАН,
комната 201, античный отдел,
19:00**

Екатерина Лурье

7 февраля 2010 в 2:13

К вопросу о происхождении позднеримских шлемов

В III в. н.э. традиция цельнокованых римских шлемов, восходящих изначально к кельтским образцам, прерывается. Наследие римских шлемов типа Вайзенау в шлемах IV — начала V вв. н.э. присутствует лишь на уровне отдельных элементов — нащечников, назатыльников, полусферической формы купола, некоторых элементов декора.

При этом конструкция купола позднеримских двусоставных шлемов разительно отли-

чается от цельнокованых шлемов известных ранее римских образцов. Позднеримские шлемы состоят из двух половинок, скрепленных между собой при помощи вытянутой металлической пластины и, в ряде случаев, обода. Большая часть известных нам позднеримских шлемов (Интерциза, Вормс, Аугст, Беркасово 1, Будапешт и т.п.) имеет именно такие цельнокованные половины (т.н. «Бандхельмы»). Вторая часть шлемов (Будапешт 1, Дёрне, Концешты) имеет при внешнем сходстве с первыми крестовой каркас различной формы (прямой или трапецевидный) и четыре сегмента купола.

Возможно, эти два различных типа шлемов восходят к разным культурным традициям.

1. Двусоставные шлемы

Схема 1.

Традиция кованых шлемов, составленных из двух половин, имеет глубокие корни, уходящие как в эпоху латена, так и в круг среднеазиатских и скифо-сарматских древностей.

Удивительное внешнее сходство с позднеримскими двусоставными шлемами демонстрируют кельтские шлемы «тессинской группы», также состоящие из двух половин и скрепленные по сагиттальной линии металлической полосой. Их украшенный гвоздиками гребень напоминает гребни шлемов Беркасово 1 и Альшохень, а также ряд шлемов, изображенных на монетах правителей парфянских правителей из династии Аршакидов, таких как Синатрук (77—70 гг. до н.э.), Фраат III (70—57 гг. до н.э.), Артабан IV (80—81 гг. н.э.) и некоторые другие.

Все это дает возможность размышлять о «сохранении или ренессансе эллинистической металлургической традиции» в Тессине и в Беркасово (Studer 1990; Glad 2009: 57). Однако прямыми предками позднеримских шлемов тессинские шлемы считаться не могут, так как, во-первых, их отделяет от IV в. н.э. почти тысяча лет, а во-вторых, они имеют деревянную основу.

А.Е. Негин в статье 2007 г. предложил в качестве прототипов позднеримских двусоставных шлемов своеобразную серию сарматских шлемов II—I вв. до н.э., происходящих с территории горного Закубанья, которую В.Р. Эрлих выделил еще в статье 1996 г. В закубанскую серию входят 4 шлема: из могильника у станицы Даховская, кургана у оз. Четук, из погр. 138 Серегинского могильника и кургана 1 Курганинского могильника (Эрлих 1996: 176—179). Эти шлемы состоят из двух половинок, выкованных из бронзового листа и внах-

лест скрепленных заклепками по линии «сагиттального сечения». Однако купол шлемов данной серии имеет сфероконическую форму (высота шлема из Серегинского могильника — 17 см), и, самое главное, у них отсутствует продольная линия каркаса, что несколько осложняет выведение из данного типа шлемов позднеримских шлемов.

А.Е.Негин рассматривает закубанские шлемы как подражания «ранним образцам кушано-парфянских шлемов» (Негин 2007: 341), известным по памятникам изобразительного искусства и нумизматики: скульптуре из Халчаяна (I в. н. э., Узбекистан), скульптуре из Хадды (I—IV вв. н. э., Афганистан), монете кушанского правителя Хувишки (предположительно, 131—136 гг. н. э.). В любом случае, согласно их хронологии, и эти типы шлемов не могут считаться прототипами позднеримских.

Наиболее вероятным и близким предком позднеримских двусоставных шлемов считается опубликованный С. Джеймсом шлем из сирийской крепости Дура Европос (Dura Europos), разрушенной в 256 г. н. э., также имеющий сфероконическую форму, однако скрепленный при помощи металлической полосы (James 1986).

Впоследствии эта традиция уходит на периферию Европы — в лесную зону (Тураевский мог. 7/1a) и в Скандинавию (Ультуна, Вендель I, Вендель XII).

2. Позднеримские шлемы с крестовым каркасом.

Схема 2.

Полусферы некоторых позднеримских шлемов состоят из двух сегментов, скрепленных при помощи крестового каркаса. Логично видеть в данной конструкции влияние варварских шлемов с крестовым каркасом, например, «шлемов лучников», изображенных на колонне Траяна, а также сарматских шлемах, изображенных на колонне Траяна, монументе Траяна в Адамклинси (Румыния), «трофейных» стелах.

Отметим, что некие признаки крестового каркаса имеет шлем, изображенный на монете Вологеза V (208—224 гг. н. э.).

О знакомстве римлян с каркасными шлемами свидетельствуют появившиеся во второй половине I в. н. э. и получившие широкое распространение во II в. н. э. крестовые накладки, которыми дополнительно укреплялись римские шлемы типа Вайзенау (рис. 1).

Нам известно три разновидности подобных накладок, соответствующие различным типам шлемов. Наиболее ранний тип кресто-

образных усиливающих накладок — это два овальных в сечении металлических прута, перекрещивающихся наверху купола и прикрепленных к шлему с помощью четырех заклепок (над ушами и по оси).

Другой тип усиливающих накладок, по-видимому, имеющих чисто декоративную функцию, представляет собой тонкие бронзовые пластинки, крест-накрест припаянные к шлему. Подобные накладки доживают до начала III в. н. э.

Отметим, что сфероконический шлем V в., происходящий из погр. 1784 Тарасовского могильника и весьма напоминающий варварские шлемы, изображенные на колонне Траяна, также имеет декоративные крестообразные накладки из золотой фольги и изготовлен при этом из одной пластины железа при помощиковки (Голдина, Волков 2000: 99) (рис. 2).

Остается открытым вопрос, применялись ли подобные шлемы с крестовидными накладками:

1. Только в ауксилиях (вспомогательных частях римской армии, состоящих из варваров)?

2. Преимущественно в ауксилиях?

3. Поровну во вспомогательных и регулярных войсках?

4. Или преимущественно в регулярных войсках?

Г.Р.Робинсон отнес их к «имперским» (Imperial Italic G). Й. Коулстон, подробнее рассмотрев изображение на колонне Траяна, пришел к выводу, что «крест» имеет лишь один ауксильный шлем — против 38 шлемов регулярных частей (Coulston 1988: 191).

Оригинальное развитие крестовые накладки получили в шлемах типа «Нидербибер» (Niederbieber), бытовавших в конных ауксилиях римской армии с последней четверти I в. н. э. до первой четверти III в. н. э. Тип «Нидербибер» относится по классификации Робинсона к типу Auxiliary Cavalry C—F (Feugere 1993: 83—87; 117—119). В данном случае речь идет о четырех бронзовых или железных пластинах, вертикально прикрепленных к куполу шлема и соединяющихся в центре. По краям пластины крепятся к шлему при помощи конических заклепок. Подобные накладки представляют собою, по сути, два гребня, скрещивающихся под прямым углом в центре купола.

Из числа позднеримских шлемов с продольным гребнем ближе всего к римским шлемам с крестовыми накладками внешне подходит экземпляр Беркасова 1. Однако здесь

«крест» несет конструктивную нагрузку, скрепляя четыре треугольных сегмента, из которых составлен купол шлема.

Однако это не единственный вариант каркаса. Сфероконический шлем из Концешт (Молдавия) также состоит из четырех треугольных сегментов, скрепленных двумя металлическими дугами — но с внутренней стороны (Spätromische Gardehelme 1973: 92—93). Внутренний каркас представляет собой чрезвычайно редкое явление. Ближайшая аналогия — ажурные шлемы из погребений 27 Суворовского могильника и 80 Нивского могильника (Останина 1978: 111; Геннинг 1963: 70).

Шлем из Концешт при этом имеет серебряную обкладку, состоящую также из двух сегментов, скрепленных крестовым каркасом, сагиттальная линия которого оформлена невысоким гребнем, а поперечная имеет трапецевидную форму.

Такую же форму имеет каркас обкладки шлема из Deurne (Голландия), железная основа которого не сохранилась (Spätromische Gardehelme 1973: 56—60).

Если в первых двух случаях речь идет об обкладках, то в шлемах из Burgh Castle (Великобритания) и погребения 6 Тарасовского могильника речь идет о трапецевидном каркасе самого железного шлема (James 1986; Голдина, Волков 2000: 98).

Трапецевидная форма поперечной линии каркаса в некотором смысле сближает данные шлемы с ранними шпангенхельмами начала V в. — из Дейр Эль-Медины и Лейдена.

Возможно, она восходит к самым первым коническим шлемам с крестовым каркасом, выделившимся из ламеллярных. В качестве переходного этапа от ламеллярных шлемов к полусферическим с крестовым каркасом можно рассматривать шлемы III в. н. э., происходящие из могильника у хут. Городской (Сазонов 1992; Сазонов, Спасовский, Сахтарьек, Тов 1995; Кожухов 1999) (рис. 4).

Аналоги поднеримских шлемов с крестовым каркасом известны в междуречье Вятки и Камы (уже упоминавшийся шлем из погр. 6 Тарасовского могильника), на территории Англии (Йорк, Коппегейт, Бенти Грэнж и, возможно, Саттон-Ху, см. Tweedle 1992) и в Скандинавии — Швеции эпохи Венделя (Вальсгерде 6, Вальсгерде 7 и, с оговорками, Вендель XIV) и Норвегии начала эпохи викингов (Gjermundby).

Таким образом, получается, что позднеримские шлемы синтезируют в себе различные культурные традиции. Будучи внешне морфологически близки к римским образцам цель-

нокованных шлемов, по конструкции купола шлемы первого типа (двусоставные) восходят к парфянской традиции (Дура-Эвропос), проникшей на территорию Римской империи, по-видимому, лишь в конце III — начале IV в. н. э., а шлемы второго типа (с крестовым каркасом) — к сарматской традиции шлемов с крестовым каркасом, известных на территории Европы со II в. н. э. (стоит отметить, что на территории Центральной и Западной Европы каркасные шлемы известны только по изображениям, все археологические находки происходят лишь с юга Восточной Европы).

Литература

- Coulston J. C. et al. 1988. *Trajan's Column: the Sculpting and Relief Content of a Roman Propaganda Monument: Thes. for the degree of Ph.D.* Newcastle.
- Glad D. 2009. *Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IV—VIII s.)*. Oxford.
- Feugere M. 1993. *Les aemes des Romains de la République a l'Antiquité tardive*. Paris.
- Klumbach H., Manojlović-Marijanski M., Braat W., Manojlović-Marijanski M., Skalon K., Thomas E. 1973. *Spätromische Gardehelme*. München.
- Robinson H. R. 1975. *The Armour of Imperial Rome*. New York.
- Simon J. 1986. Evidence from Dura Europos for the Origins of Late Roman Helmets. *Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie*. Paris.
- Studer D. 1990. Frühgeschichtliche Kammhelme aus dem Kanton Tessin und dem weiteren südosteuropäischen Raum. Ein Faktor bei der Entwicklung des Spätromischen Kammhelms? *Helvetica Archaeologica*. Vol. 21, 82—126.
- Tweedle D. 1992. *The Anglian Helmet from Coppergate*.
- Геннинг В. Ф. 1963. Азелинская культура III—V вв. *Вопросы археологии Урала*. Вып. 5. Свердловск.
- Голдина Р. Д. 2004. *Тарасовский могильник I—V вв. на Средней Каме*: в 2-х т. Т. I. Ижевск.
- Голдина Р. Д., Волков С. Р. 2000. Шлемы Тарасовского могильника. *Уфимский археологический вестник*. Вып. 2. Уфа, 98—107.
- Ждановский А. М. 1984. Подкуранные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры. *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар.
- Кожухов С. П. 1999. Закубанские катафрактарии. *Материальная культура Востока*. Москва.
- Негин А. Е. 2007. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса. *Antiquitas Aeterna*. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 335—359.
- Останина Т. Н. 1978. *Нивский могильник III—V вв. Материалы к ранней истории населения Удмуртии*. Ижевск.
- Сазонов А. А. 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп.
- Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А. 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского. *Археология Адыгеи*. Майкоп.
- Симоненко А. В. 2008. Тридцать пять лет спустя:

послесловие-комментарий. В: Хазанов А.М. *Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург.

Хазанов А.М. 2008. *Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург.

Максим Левада

7 февраля 2010, 2:39

Вопрос — «В III в. н. э. традиция цельнокованных римских шлемов, восходящих изначально к кельтским образцам, прерывается». Но дальше речь идет о шлемах эпохи миграций, не ранее конца IV — начала V вв. Что тогда в них «позднеримское»? И можно ли сказать точнее, когда прерывается традиция цельнокованных?

Олег Шаров

7 февраля 2010, 3:05

Нет дорогой, речь идет о шлемах начала IV в. — Беркасово — Будапешт и середины IV в. типа Деурне, которые стали прототипами поздних шпангенхельмов V—VI вв.

Максим Левада

7 февраля 2010, 3:39

Это я прочитал по привычке начало и сразу прыгнул в Концешты.))))) Уже сам увидел. Но только III в. — это и начало, и середина, и конец. Я, собственно, вот об этом и спрашивал.

Илья Палагута

7 февраля 2010, 11:00

Круто!

Олег Шаров

7 февраля 2010, 11:02

Насколько я знаю, последние арх. находки римских цельных шлемов происходят из кастеллов середины III или 60 гг. III вв. — там еще тип Нидербибер и т. д., а потом мы знаем только их изображения на арках Галерия, Константина и т. д. Вопрос, как появились шлемы типы Беркасово и Концешты, где их истоки, этому и посвящен доклад. А также — кто их носил: только ауксиларии или в IV в. и легионеры?

Максим Левада

7 февраля 2010, 15:50

То есть это общий вопрос — легионерские находки второй половины III в. после прорыва лимеса. Получается сплошная тьма лет 40—50.

А технологически эти составные конструкции — это упрощение и удешевление.

Хорошая тема, интересная. Спасибо!

Андрей Негин

7 февраля 2010, 16:54

«А.Е. Негин в статье 2007 г. предложил в качестве прототипов позднеримских двухсоставных шлемов своеобразную серию сарматских шлемов II—I вв. до н. э., происходящих с территории горного Закубанья, которую В.Р. Эрлих выделил еще в статье 1996 г. В закубанскую серию входят 4 шлема: из могильника у станицы Даховская, кургана у оз. Четук, из погребения 138 Серегинского могильника и кургана 1 Курганинского могильника (Эрлих 1996: 176—179)».

Я имел в виду, что это один из возможных прототипов, ибо говорить о том, что эти шлемы, у которых, собственно, отсутствует продольный рант, были прототипами позднеримских двухчастных шлемов — совершенно нелогично. Какие-то элементы там присутствуют, в то же время, другие элементы есть на парфянских образцах. Так что я далеко не так однозначен в своих выводах, как это представлено в тексте доклада.

«Другой тип усиливающих накладок, по-видимому, имеющих чисто декоративную функцию, представляет собой тонкие бронзовые пластинки, крест-накрест припаянные к шлему».

Эти пластинки не припаяны, а приклепаны к тулье.

«...в шлемах типа «Нидербибер» (Niederbieber), бытовавших в конных ауксилариях римской армии с последней четверти I в. н. э. до первой четверти III в. н. э.».

Совсем не факт, что это шлемы кавалеристов. Это мнение уже давно небезуспешно оспаривается!

Что касается перекрещивающихся усиливающих полос (прутков) на шлемах типа Вайзенау, а также перекрещивающихся усиливающих тулью шлема полос на типе Нидербибер, то их упоминание здесь совершенно неуместно, поскольку <они> не являются частью составной тульи, скрепляющей различные ее части!

«Аналоги поднеримских шлемов с крестовым каркасом известны в междуречье Вятки и Камы (уже упоминавшийся шлем из погребения 6 Тарасовского могильника), на территории Англии (Йорк, Коппегейт, Бенти Грэнж и, возможно, Саттон-Ху, см. Tweedle 1992) и в Скандинавии — Швеции эпохи Венделя (Вальсгерде 6, Вальсгерде 7 и, с оговорками, Вендель XIV) и Норвегии начала эпохи викингов (Gjermundby)».

Это не аналоги, а дериваты.

«Таким образом, получается, что позднеримские шлемы синтезируют в себе различные культурные традиции».

Несомненно, причем не только позднеримские, а римские вообще.

«Будучи внешне морфологически близки к римским образцам цельнокованых шлемов, по конструкции купола шлемы первого типа (двусоставные) восходят к парфянской традиции (Дура-Эвропос), проникшей на территорию Римской империи, по-видимому, лишь в конце III — начале IV в. н. э., а шлемы второго типа (с крестовым каркасом) — к сарматской традиции шлемов с крестовым каркасом, известных на территории Европы со II в. н. э.».

Шлемы с «крестовым каркасом» известны не только по сарматским находкам. Можно указать на более древний образец из Сард (хотя там несколько иная конструкция, но есть о чем поразмышлять). Поэтому и здесь нельзя однозначно говорить об исключительно сарматском влиянии...

Андрей Негин

7 февраля 2010, 19:20

Вот и я думаю, что Городской — это II в.

Максим Левада

7 февраля 2010, 19:43

Почему Кишпек «отражает»? Там Хемоор, он совершенно вписывается в С2.

Максим Левада

7 февраля 2010, 20:56

310/320, а как еще? Я других дат не помню.

Олег Радюш

7 февраля 2010, 21:23

Самыми ранними находками, помимо Городского, на данный момент можно считать Поволжские могильники. Погребение 25 из Андреевского кургана, шлем из которого не сохранился, но в описание какие-то сегменты описаны. На новом могильнике в бассейне Пьяны, в 60 км к северу от Андреевки выкопаны (уродами, конечно) два шлема, один нормальный такой сегментный четырехчастевой шпангенхельм, у второго купол собран из множества узких пластин (он сильно фрагментирован). Датировка вполне совпадает с Андреевским, то есть конец I — первая четверть II вв. н. э.

Затем стоит обратить внимание на шлем из Степановского могильника на той же Пьяне, правда он также фрагментирован, но описание есть, и, судя по нему, он тоже четырехчастевой. В Кипчакском могильнике в Среднем

Поволжье шлем, скорее всего, также набраный из пластин, он пока не отреставрирован, датировка тоже I в. н. э.

Вот это получается нижняя дата таких шлемов, ну и кольчуг с ними по лесостепи. На Кубани, Кавказе, наверняка что-то и пораньше найдется.

Андрей Негин

7 февраля 2010, 22:02

А шлемы с Пьяны опубликованы? Они мне неизвестны, и хотелось бы поподробнее узнать.

Олег Радюш

7 февраля 2010, 22:52

Из Степановского у меня рисунок очень мелкий. Не знаю, на чем он основан. Если нужен, я его вышлю. Прошлогодняя Пильна готовится к публикации, надеюсь в этом году показать ее в Загребе.

Андрей Негин

7 февраля 2010, 22:57

Да, за любые изображения буду благодарен. А из Пильны в приватном порядке можно изображения?

Екатерина Лурье

7 февраля 2010, 23:11

И я тоже буду благодарна за изображения. Андрей, спасибо за комментарии.

1. Учту про неоднозначный вывод. Но все равно ведь Ваша идея?

2. С припаянными пластинками я сама несколько раз спотыкалась глазами в своем тексте, но так и не перепроверила... Видимо, неправильно перевела когда-то с французского или английского.

3. «Что касается перекрещивающихся усиливающих полос (прутков) на шлемах типа Вайзенау, а также перекрещивающихся усиливающих тулью шлема полос на типе Нидербибер, то их упоминание здесь совершенно неуместно, поскольку <они> не являются частью составной тульи, скрепляющей различные ее части!»

Естественно, я обратила внимание на эту незначительную деталь. Собственно говоря, одним из основных вопросов данного доклада было, могла ли иммитация крестового каркаса появиться раньше, чем крестовой каркас, а если все-таки нет, и земля вертится только в одну сторону, то где прототипы? Что, собственно, иммитировалось? Или это не иммитация, или не крестового каркаса, а чего-то совсем другого (литейных швов, например)?

Видимо, я действительно не очень отчетливо этот момент прописала.

4. Дериваты — красивое слово. Буду использовать.:)

5. Шлем из Сард? Честно говоря, ничего о нем не знаю. Что можно посмотреть?

И еще раз спасибо за ценные замечания.

Андрей Негин

8 февраля 2010, 23:07

Еще раз. На шлемах типа Вайзенау и Нидербибер накладные прутки/пластинки — это не имитация! «Крестовый каркас» в данном случае ни при чем! Это усиливающие защитные свойства тульи выступающие плоскости!

Шлем из Сард (VI в. до н.э.) есть в диссертации Д. Глада (с. 154). У него не «крестовый» каркас. Но это, насколько мне известно, древнейший из дошедших до нас каркасных шлемов.

Андрей Негин

9 февраля 2010, 0:20

Спасибо за поправку, ошибся...

Эх, мне бы такую тему (археологическую), а то приходится в нарративе и эпиграфике искать то, чего там нет о римском вооружении. :) Ну да ладно, переживу... зато довольно интересный ракурс (не чисто археологический) получается.

Игорь Бажан

9 февраля 2010, 0:21

Вот и я думаю, что Городской — это II в. точно так.

А Кишпек разве не середина III в.?

Андрей Негин

9 февраля 2010, 0:34.

Я фото шлема из Кишпека посмотрел бы..., а по прорисовке утверждать, что он римский, я бы не стал...

Олег Радюш

9 февраля 2010, 0:56.

Так фото шлема из Кишпека ни у кого нет?

Екатерина Лурье

9 февраля 2010, 1:38

«Еще раз. На шлемах типа Вайзенау и Нидербибер накладные прутки/пластинки — это не имитация! «Крестовый каркас» в данном случае ни при чем! Это усиливающие защитные свойства тульи выступающие плоскости!».

Каким образом усиливают защитные свойства тульи накладки шлема из Майнца, Нидермёмтера и всего прочего Imperial Italic H?

«Шлем из Сард (VI в. до н.э.) есть в диссертации Д. Глада (с. 154). У него не “крестовый” каркас. Но это, насколько мне известно, древнейший из дошедших до нас каркасных шлемов».

Спасибо. Поняла, о чем речь. Но мне было интересно именно выделить переходную форму от ламеллярного шлема к каркасному.)))

А этого раньше Городского и Тбилисской, насколько я понимаю, на реальном археологическом материале нет.

Андрей Негин

9 февраля 2010, 21:38

«Каким образом усиливают защитные свойства тульи накладки шлема из Майнца, Нидермёмтера и всего прочего Imperial Italic H?»

Хм, на шлеме из Майнца и Нидермормтера — это лишь часть декора. Причем на шлеме из Нидермормтера полосы вообще не накладные, а чеканный орнамент! Ну, а о том, как усиливают защитные свойства тульи различные выступающие плоскости, предлагаю Вам поразмышлять на примере хотя бы козырька шлема.

Андрей Негин

9 февраля 2010, 21:52..

Перегородчатая эмаль же не только у римлян была... например, у гуннов... причем сам Бетров атрибутировал погребение как захоронение «гуннского вождя» (Бетров 1980: 113). Поэтому желательно по фото смотреть детали шлема, чтобы определить римский ли он...

Олег Радюш

9 февраля 2010, 22:09

Так там же не эмаль, а камни, кажется, были?

Вадим Ишаев

9 февраля 2010, 22:38

Камни, вставленные в золотые лотки и окруженные плетенкой. Шлем из Кишпека вряд ли гуннский, скорее принадлежал сарматскому вождю.

Михаил Казанский

9 февраля 2010, 22:38

Во-первых, у гуннов эмали не было, во-вторых, сам Бетров ошибся с датой лет

на сто, о чем уже многожды писали и Амброз, и Кузнецов, и Малашев, да и я, грешный, аж на двух языках.

Погребение, несомненно, позднеримского времени. Вопрос только — скорее конец III в. или, может, все же первые десятилетия IV в.

А на шлеме, конечно, не эмаль, а вставки сердоликовые, как и положено для поздней Империи.

Андрей Негин

10 февраля 2010, 0:37

Сердолик? А, ну понятно... но почему же только для поздней Империи? Например, пергородчатая инкрустация с кораллами, жемчугом, сердоликом в обойме как элемент декора встречается на шлемах и в эпоху ранней Империи. Но я не думаю, что полихром должен выступать определяющим фактором для кишпекского образца. Тем более, есть всего два позднеримских шлема с таким декором. Полихромный стиль (насчет эмали у меня, конечно же, произошел «заскок») ведь был широко распространен. Скорее это, действительно, варварский [сарматский (?)] шлем.

Не стоит забывать, что шлем конструктивно отличен от шлема из Беркасова и не имеет аналогов среди позднеримских шлемов. Поэтому объединять Беркасово и Кишпек лишь по признаку полихромности в одну группу, мне кажется, некорректно.

Андрей Негин

10 февраля 2010, 12:33

В автореферате Олега Шарова выделена именно «стилистическая группа Беркасово-Кишпек», а кроме стилистической схожести сами шлемы совсем разные. На арке Галерия, скорее всего, изображены, большей частью, именно сарматские шлемы. Да и в похожем шлеме изображен рядовой пехотинец. Тут трудно говорить, римский/варварский. Непонятно, где их изготавливали — на государственных фабриках в большом объеме или по конкретному заказу какого-то федерата.

Интереснее другое, что подобные наборные шлемы из узких полосок металла известны вплоть до Кореи и Японии, причем там тоже это с первых веков н.э.

Игорь Бажан

10 февраля 2010, 16:52

И все же Шлем Кишпека III в., хоть бейте, а может, и гарнитура поясная. Как и азелинские шлемы.

Михалыч, нету времени настукивать, при случае наговорю, языком-то легче.

И Малашев завышает на 1—2 поколения. Считай, что это интуиция.

Андрей Негин

10 февраля 2010, 20:00

Пехотинец, гипотетически, мог иметь такой же шлем, но победнее. Вот только археология пока дает иную картину... на римских памятниках этого периода находят совсем другие шлемы, причем в большом количестве!

На арке Галерия подобные кишпекскому шлемы имеют одну важную деталь — нащечники, характерные для позднеримских шлемов. Вот еще одно разительное отличие. Или на шлеме из Кишпека есть шарниры для крепления нащечников или иные следы их бывшего наличия? На той прорисовке, которую я смотрел, их не видно...

У хеттов — да, судя по изображениям, были похожие боевые наголовья, но я именно про такую, как у Кишпека, конструкцию говорю, а не про абстрактные шлемы из узких пластин на иконографии, коих изрядно много. На тюркских памятниках еще кое-что можно найти.

Я о том, что нетипичен для римлян такой шлем. Могли их варианты применяться в римской армии, но гораздо более популярны они были на востоке Азии.

Вадим Ишаев

10 февраля 2010, 21:36

Шлем из Кишпека, в отличие от азиатских шлемов, не ламеллярный.

Андрей Негин

10 февраля 2010, 21:44

Но и не цельнокованный, как я понимаю... и даже не двух, четырех или шестичастный... я думаю, что это какой-то сарматский (?) вариант, подражающий римскому шлему с камнями-вставками (имитирующими глаза на лобной части).

Вадим Ишаев

10 февраля 2010, 21:46

<http://s002.radikal.ru/i200/1002/69/5ba446e973f2.jpg>

<http://s05.radikal.ru/i178/1002/f0/402a05e60cbd.jpg>

Вот набросал примерную конструкцию.

«Конструкция шлема состоит из 4-х сегментов, один из которых представляет крестообразный каркас, а три других — пластины в виде лучей, радиально исходящие от центральной окружности сфероконической формы, длиной 17—17,5 см. Сегменты накладываются друг на друга, образуют

сплошную конструкцию и закрепляются бронзовыми заклепками по окружностям. По нижнему ободу пластины также закрепляются бронзовыми клепками к железному плоскому обручу на внутренней стороне. Все пластины обернуты листами из серебряной фольги, концы которых заходят под пластины».

Андрей Негин

10 февраля 2010, 21:52

В основном согласен, но все же считаю, как уже выше писал, что для Рима вещь нетипичная и, вполне возможно, является именно подражанием римскому шлему на основе пластинчато-наборной (хоть и не вполне адекватный здесь термин) конструкции. А так, как ни крути, везде интерпретация!

Кроме Иордании есть еще один очень странный шлем в Турции, опубликованный как случайная находка: http://vkontakte.ru/photo-3884720_152510098

Мне он кажется очень подозрительным. Есть ли у кого информация по этой находке или какие-либо идеи?

Олег Радюш

10 февраля 2010, 23:55..

А что в нем подозрительного?

Андрей Негин

11 февраля 2010, 0:15

Это вот из этой статейки:

Turgut H. Zeyrek. Halûk Perk Müzesi'nden bir Grup Miğfer (A Group of Helmets from Halûk Perk Museum). *Tuliya* 1 (2005), 183—192.

Олег Радюш

11 февраля 2010, 0:16

Римского в Кишпекском шлеме ничего нет, даже дериватом его назвать сложно. А камни налепить — это варварам вполне по силам. Сама конструкция — явно разновидность «ажурных» шлемов. Подобная цепочка есть на шлеме из Тбилисской. Куцый наносник, который позже появляется на шлемах типа Нидерштоцингер.

Андрей Негин

11 февраля 2010, 0:20

А странное в этом шлеме — наглухо (как я понял по фото) приклепанные или припаянные нащечники. При этом дырочки по краю только на самом нащечнике, хотя, по идее, должны быть и по нижней кромке тульи... Кроме того, не совсем понятно, из двух ли тульи половин, и что это за шов посередине...

Андрей Негин

11 февраля 2010, 0:25

Вот именно, Олег. Кишпекский шлем — это варварская продукция, о чем я тут и говорю!

Олег Радюш

11 февраля 2010, 0:38

На фото плохо видно, а так могли постараться реставраторы. И легким движением нащечники превращаются в глухо приваренные.)) На фотографии какие-то наросты на корпусе в районе, где должны быть шарниры, есть, на рисунке незаметно.

Андрей Негин

11 февраля 2010, 0:57

В общем, если хорошо постараться, то можно и другие подозрительные недавно опубликованные (и хранящиеся в частных коллекциях) шлемы найти. Причем, я подумал, что все эти странности могут быть и не результатом стараний современных реставраторов, а переделкой того времени...

Михаил Казанский

11 февраля 2010, 1:04

Я думаю, говорить о том, варварский или нет шлем из Кишпека, неосторожно. Ясно, что всякие разные пластинчатые шлемы существовали и у варваров, и у римлян.

Изображения на арке Галерея неслучайны, там в таких шлемах — или очень похожих — гуляют римские солдаты. Похожий шлем найден в византийской крепости Ильичевка, тоже не случайно. Другое дело, что его запросто можно найти и у варваров.

Просто нужно, чтобы кто-нибудь собрал их сводку и монографически издал-изучил. Как это сделали со шлемами типа Балденхайм. Я видел несколько обобщающих статей, но этого явно мало.

Кстати, тип Балденхайм тоже долго тянули в варвары, пока в Гераклее не вылез шлем с клеймом византийского ателье. А потом была серия из крепостей и, главное, из Царичен града. Поэтому дискуссия о том, чей там в Кишпекке шлем, преждевременна.

В целом, вождь из Кишпека явно подражал позднеримской моде, но, конечно, никто ему не помешал бы прихватить и любой шлем другого происхождения.

Олег Радюш

11 февраля 2010, 2:20

Мне кажется изготовление шлемов из пластин — не от хорошей жизни, а от корявости

рук. Все-таки шпангенхельмы — это не каркасные «ажурные» шлемы. Кишпек — это еще шедевр.

Римская армия, насчитывающая в рассматриваемое время до 500 000 человек, обеспечивалась амуницией и вооружением фабричного производства, согласно тому же «Расписанию должностей». Переход к типам шлемов ПРВ может носить еще и технологический характер — потребовалось массовое производство при сократившихся возможностях империи. А уж разные мастерские по-разному изготавливали несколько основных моделей.

Шлем с арки Галерия более всего напоминает шпангенхельм и совсем не похож на Кишпекский.

В Ильичевке найдена более поздняя разновидность, типа Нидерштоцингер, распространенная от Японии до Австрии, и большинство известных находок их связано все-таки с кочевниками. В крепости, тем более, он найден в слое разрушения. Но Византия все-таки несколько другая песня.

Не будем также забывать, что мы видим от силы 50 находок — от тех десятков тысяч шлемов, существовавших на протяжении поздней античности.

А где Царичен град опубликован?

Олег Радюш

11 февраля 2010, 4:16

Почитаю как-нибудь Глада, он же на французском, наверное?

Да, помню я и пилотки 1937 года, и ЗИС-3 на складах в смазочке, но штатное вооружение в принципе существовало. Просто в критические моменты со складов начинают выдавать весь антиквариат, чтобы армейские шестеренки крутились.

ГОСТы, конечно, вряд ли существовали, но серия простых пехотных шлемов типа Интерциза, Ятрус и т. д. довольно единообразна от Турции до Германии. IV в. рисуется очень хорошо.

Здесь, наверное, стоит терминологическую путаницу разрешить. Шпангенхельм — термин общий — это каркасный шлем. Но тип Бальденхайм — сегментный с каркасом или ободом, к которому приклепывались сегменты, — это одно, а «ажурные» типа Тбилисской, Тураево и т. д. — это совсем другая схема. Так вот, Кишпек — это все же «ажурный» шлем, именно это я подразумевал.

Нидерштоцингер найден в Австрии и пара фрагментов еще по Европе, от кого они в Керчи, Ильичевке и Курске (не дай бог) — об этом

история умалчивает, но это шлемы ламеллярной конструкции.

Ильичевку я смотрел живьем очень давно, там, конечно, реконструкция очень грубая в публикации.

Ламеллярный — потому что там соединение пластин не на заклепках, а на кожаных ремешках. В ажурных каркас собран на заклепках, как и в типе Бальденхайм, но не образует сплошной купол, как у Нидерштоцингера. Технологически это три разных типа.

Олег Радюш

11 февраля 2010, 13:56

Два шлема из Керчи, опубликованных В. В. Арендтом, были на гибкой основе. В описании Николаевой шлема из Ильичевки указано: пластины прошиты проволокой (вполне возможно, что эта была кожа, покрытая оксидами железа). Заклепками приклепывались налобная пластина и шишак сверху, под которым сходились все пластины. Отличия визуальные заключаются в верхней «шапочке» и в сомкнутости пластин. Боюсь, что на иконографии особого внимания прошивке пластин не уделяли.

Опознать по иконографии в большинстве случаев будет затруднительно, учитывая упрощенность большинства изображений.

Все-таки каркасные шлемы имеют корни среди европейских сарматских культур в первые века нашей эры, а ламеллярные появляются не ранее VI в., только с новой волной кочевников из Азии, где они были распространены гораздо шире и до, и после. Так что объединять их в одну группу не стоит.

Олег Радюш

11 февраля 2010, 14:49

Ну вот, посмотрел у Фогта: шлем из Керчи — это Spangen-lamellenhelme, а Нидерштоцингер — просто Lamellenhelme.

Дело в том, что этот керченский шпанген имеет ламеллярное крепление пластин.

Говоря о корнях каркасных шлемов, имел в виду только то, что в первых веках мы имеем яркие свидетельства их существования и использования у сарматов. Понятно, что конструкция могла иметь более долгую историю.

Но здесь мы, в первую очередь, говорим о линии развития в I тыс. н. э. от Вендельских находок до Тбилисской. Будут находки в Иране или еще где, можно будет рассуждать о более широкой линии развития.

Почему же в Азии их нет? Япония, Корея, Сибирь. культуры III—V вв. Ламеллярные панцири и шлемы во всю используются.

А где же там заклепки видны на лангобардских? Нидерштоцингер собран на ремешках весь.

Максим Левада

11 февраля 2010, 17:38

Олег очень прав — все это удешевление или, точнее, упрощение, не от хорошей жизни. А кто помнит, когда самое последнее изображение мускульного панциря? Возможно, одновременно меняется не только технология и не только шлемов.

Олег Радюш

11 февраля 2010, 19:01

Ну, Китай с Японией тоже в Азии, как и Корея. Ближайшие аналогии конструкции типа Нидерштоцингера именно там.

Вот первое что попало на Алтае. Ранние тюрки — Троицкий Елбан и Мендур-Соккон середина 1 тыс. Позже Балык Соок.

В Китае ламеллярные шлемы с III—IV до н.э. известны в археологических находках.

Ну для шлемов типа Тбилисской и Кишпека удачнее термин «решетчатый» или «ажурный». Ламеллярная конструкция подразумевает все же соединение узких длинных пластин с помощью ремней или шнура, а не просто узкие пластины.

Ну, мускульные панцири в иконографии живут, по-моему, до средневековья.

В III в. пропадают лорики сегментные, клевые skutумы, гладиусы. Кризис кризисом, а армия выросла в разы.

Олег Радюш

11 февраля 2010, 19:50

Термином «ламеллярный» наши российские коллеги обозначают именно гибкую конструкцию из пластин.

Но пластинки, сплетенные между собой, и каркас из пластин на заклепках — это совершенно разные конструкции.

Насчет традиции не знаю. Будут в Европе реальные находки раньше VI в., можно будет рассуждать об их римском происхождении. В Азии они есть, две уже называл.

Но Калкни и Кишпек — это не одно и то же, и где там античные уши?

Михаил Казанский

11 февраля 2010, 19:56

Жаль, что в российскую археологию вошел неточный термин.

Калкни — это не Кабардино-Балкария, где Кишпек, а Дагестан. Из склепа с хоботковой пряжкой, то есть, скорее всего, V в. Уши скульптурные, античные.

Он висит на одной из картинок в альбоме к докладу Кати Лурье. Могу попозже сделать более крупную картинку с публикации.

Олег Радюш

11 февраля 2010, 20:04

Сам шлем я знаю, просто непонятно, почему уши античные.

Максим Левада

11 февраля 2010 в 21:10..

Мускульные панцири средневековья — это совсем другое кино. Похоже, в III (?) веке резко меняется не только вооружение, но и технология.

Андрей Негин

11 февраля 2010, 21:58

По прорисовке Калкни, кстати, нельзя понять, насколько реалистично изображены уши! А что касается скульптурных изображений ушей — так и на золотом парадном шлеме Мескаламдуга они имеются, а это явно не античность...

Вот и хотелось бы увидеть на фотографии, какие там уши, чтобы сравнить их с теми, которые имеются на античных шлемах. На которых, кстати, степень стилизации тоже разная. На шлеме Мескаламдуга (кстати, очень известном) уши, конечно стилизованные, однако он примерно на четыре тысячи лет постарше Калкни. Фото его в альбоме.

Андрей Негин

11 февраля 2010, 23:45

Фото 27. Это просто ответ на реплику: «А где еще так скульптурно делали уши? Я не видел». Традиция такая была не только в античном мире. А вот насколько кто реалистично изображал уши — это отдельный вопрос! Потому и смотреть фото надо, чтобы разобраться, а не прорисовку.

**Семинар 12 апреля 2010 г.
в здании ИИМК РАН,
комната 201, античный отдел,
19:00**

**Олег Шаров
8 апреля 2010, 10:30**

С.Ю. Каргапольцев

**Проблемы понимания и
интерпретации древностей
позднеантичного и
раннесредневекового
времени европейского
Северо-Востока (на примере
памятников т. н. культуры
длинных курганов)**

1. Дискуссии 1970—1990-х гг. о хронологии вещевого инвентаря из могильников и поселений римского времени и начальной фазы эпохи ВПН: изучение взаимовстречаемости предметов вооружения, поясной гарнитуры, элементов костюма, украшений, конского убора и пр. Теория типологических горизонтов европейского Барбарикума и ее возможности в преодолении «белых пятен» происхождения и датировок тех или иных культур Северо- и Юго-Востока варварской периферии (работы М.Б. Щукина, М.М. Казанского, О.В. Шарова, И.А. Бажана, С.Ю. Каргапольцева).

Анализ хронологических индикаторов ступеней C1b/C2-E (III—VI вв.) указывает на близость вещевого комплекса археологических культур европейского Барбарикума, испытывавших существенное влияние со стороны южно- и центральноевропейских центров, в той или иной степени затронувшее гето-дакийские, сармато-аланские (иранские), германские, финно-угорские, балтские и, возможно, праславянские племена от Германии Либера на западе до Прикамья на востоке и от Скандинавии на севере до Причерноморья и Крыма на юге. Для юго-восточной Балтики — буферной зоны между «цивилизованными» и «дикими» варварами к северо-востоку от лимеса — это проявилось, прежде всего, в распространении провинциально-римских импортов, технологий и традиций, существенно изменивших облик аборигенных культур древнего населения и способствовавших формированию полиэтнических социумов общеварварского типа.

Решающее значение в этом процессе сыграл «янтарный путь» и «мост связей» между Балтикой и Причерноморьем, причем, про-

цесс «пассивной провинциализации» этих пространств связан не столько с распространением римского влияния посредством торговых и военных контактов, сколько с активными передвижениями населения восточной и юго-восточной периферии варварского мира, достигшими апогея в неконтролируемых формах в эпоху Великого переселения. В сложную орбиту межкультурных отношений оказалась втянутой и территория лесной зоны Восточной Европы (рис. 1).

Определенный интерес в этой связи может представлять малоизвестный комплекс на севере Кургальского п-ва к западу от Лужской губы: венчик ойнохойи, глазчатые бусы, фрагмент бронзовой мисочки и др. предметы. Анализ бус показал как будто гораздо более позднее время их изготовления, но сам набор вещей производит впечатление скорее о раннеримском времени (рис. 5).

Основным передатчиком этих импульсов в III—VI вв. становится территория от Скандинавии до Причерноморья, отличающаяся пестрым по составу населением, среди которого решающий этнический компонент и социально-активное начало принадлежало германским объединениям-протогосударствам (тенденция влияния германцев и Империи на лесных варваров сохранилась и до времен древнерусского государства). Материальный облик их культур определялся воинскими традициями раннеклассового типа, где поражение означало смерть всего социума («военная демократия»), политической структурой многоплеменных союзов (коллективная система безопасности) и тесными связями с римским миром (торговля, набеги, стипендии). Четких границ такие образования не имели, племенные конфедерации были мобильны и недолговечны, что в конечном итоге отразилось и на археологическом материале: выделенные культуры (пшеворская, вельбаркская, черняховская и др.), как правило, многокомпонентны и имеют широкие взаимоналожения. Тем не менее, именно их влиянию можно приписать смещение к северу и востоку балтского населения, распространение новых форм оружия, стилей (полихромия, эмали, Сёсдал), некоторых элементов погребальной традиции и пр.

Для территорий Среднего Подунавья и Балтики определенную роль могли играть и торговые посредники, а для обширных пространств юго-восточной Европы этот процесс усилила также позднеримская варваризованная армия, в составе которой присутствовали германские федераты и наемные бандформирования. Этнокультурная дифференциация

таких импульсов не всегда возможна, т.к. военно-политическая и социальная ориентация варварских союзов на Империю в значительной степени нивелировала существовавшие традиции.

2. Проблемы нижней датировки памятников типа Линдора-Полибино (длинные курганы). Краткая история вопроса и его драгизм: несколько поколений археологов в течение столетия вкладывают свои силы и творческий потенциал на приобщение этих памятников к общеевропейской хронологической системе и, при этом, никто никому не верит и конструирует свою версию и понимание «длиннокурганной саги», в очередной раз «страхивая пыль» с одних и тех же хоть сколько-нибудь значимых артефактов. Традиционное завышение «нижней» даты и ее подтяжка к «достоверным» славянам VI в. Необходимость отказа от попыток анализа и типологизации признаков погребального обряда (внешняя форма насыпи кургана, способ размещения кальцинированных костей и пр.), этапности развития групп памятников, керамического набора и других критериев традиционного понимания археологической культуры (работы Н.В. Лопатина, А.Г. Фурсева, Е.Р. Михайловой конца 1990—2000-х гг.).

Выход — изучение типов, материала и стилей вещей в их встречаемости (корреляции) в комплексах. Например, В-образные рифленные пряжки или трехрогие пельтовидные лунницы сочетаются в центрально-европейских памятниках периода C1b/C2–C3/D с ведерковидными подвесками, гребнями с горбатой спинкой, коническими умбонами щитов и пр. Значит, для нас эти типы вещей не менее важны, чем сами пряжки и лунницы. Аналогично со стилистикой предметов: если на ряде вещей есть признаки, например, стиля Sødala, значит, для нас важны и данные по типологии и хронологии не только аналогов этим вещам, но и самому стилю.

Конечно, русский северо-запад (в современном понимании этого региона) был периферийным районом, существенно удаленным от главных напрежений культурных импульсов и торгово-военного взаимодействия, но все же отголоски общеевропейских процессов видны и здесь достаточно отчетливо. «Раскрутить» противоречивый клубок местных вещевых хитросплетений и понять их датирующие возможности можно только в широком общеевропейском контексте. Так, при изучении различных категорий инвентаря, его хронологии и стилей, погребальных традиций и других атрибутов археологических культур

этого региона, обращает на себя внимание то, что поиск ближайших аналогий интересующим нас древностям непременно выводит на два уже упомянутых основных центра.

С одной стороны — это в широких пределах Балтика (Скандинавия, Ютландия, Померания, Прибалтика и Финляндия), с другой — Северное Причерноморье и прилегающие к нему территории (Подунавье, Поднестровье, Среднее и Нижнее Поднепровье, Крым, Кавказ). Устойчивая взаимосвязь между этими центрами отмечена по целому ряду конкретных категорий и типов вещей, ставшими надежными индикаторами синхронизации: фибулы типа Монструозо, стеклянные кубки типа Ковалк, железные и костяные (роговые) трехслойные гребни, различные типы подвесок (янтарные грибовидные, костяные пирамидальные, «топорики Тора», лунницы), отдельные типы керамики, предметы с руническими надписями. Основное время существования этих связей — с середины III до конца IV вв. Наши исследования ведерковидных подвесок, трехрогих пельтовидных лунниц, различных форм оборонительного и наступательного оружия, пряжек, фибул, украшений и других категорий инвентаря, показывают, что установившийся «мост» между Балтикой и Причерноморьем не утратил своего значения и после гуннского нашествия, по крайней мере, до середины V в.

Маркирует это и определенная часть вещевых индикаторов Северо-Запада (рис. 2). Так, например, находки костяных пирамидальных подвесок, украшенных резными гранулами (т.н. «палицы Геракла») не только указывают на контакты Западного Причудья (Комбья) и Юго-Восточного Приильменья (Кафтино), но и являются дополнительным синхронизатором памятников балто-днепровско-верхневолжского круга для ступеней D — E (IV—V вв.) с выходом на центральноевропейский и придунайский регионы.

В.В. Кропоткин, вслед за И. Вернером, связывал происхождение этих подвесок в Восточной Европе с готской экспансией, с той лишь разницей, что датировал их не IV—V вв., как И. Вернер для германских комплексов (горизонт «С» могильника Притцир в Мекленбурге, в сочетании с трехпальчатыми двупластинчатыми фибулами), а III—IV вв. (C2-D1), указывая на находки в Среднем Поднепровье и Крыму. Их более раннюю дату для черняховских находок обосновали М.Б. Щукин и Т.А. Щербакова. Видимо, аналогичное происхождение имеют и ведерковидные подвески, получившие широкое распространение в европейских

древностях III—IV вв. в результате сармато-германских контактов.

Находки позднеримского оружия и вещей с эмалью хорошо маркируют Балтийско-Верхневолжский путь с выходом в Причудье и Юго-Западное Белозерье. Так, подвески с эмалью типа Фролов I—III (рис. 2: 5, 6) ступеней B2/C1—D2 (180—375/420 гг.) указывают на существование связей не только по линии запад-восток (Литва — бассейны рек Песь, Молога, Чагода), но и в южном направлении — с древностями мощинской и киевской культур. Это подтверждают и синхронные с подвесками ажурные и подковообразные фибулы с эмалью типов Корзухина III/1—2, — V/2, — V/4, — V/5, — VI/3 — Гороховский IV—VIII (рис. 2: 1—4).

На связи между культурами лесной, лесостепной и степной зон в римское время обращали внимание уже многие исследователи: например, В. В. Кропоткин, Е. Л. Гороховский, и М. Б. Щукин в разное время отмечали типологическую близость красных выемчатых эмалей Прибалтики, Волго-Окского междуречья и Среднего Поднепровья. Генератором «южных» импульсов в лесную зону в период C3/D1 (конец III—IV вв.) являлись главным образом носители черняховской культуры, отождествляемые в конечном итоге с готами, точнее с созданным ими полиэтническим политическим объединением.

Связанные с этим целые серии вещей, в т. ч. из кладов, и традиций определяли облик не только днепро-двинской-среднетушемлинской, киевской, мощинской и дяковской культур, но и древностей Прикамья периода C3-E: фибулы Амброз-16/2, серия 1, варианты 1 и 2 (III—IV вв.), A-16/2, серия 1, вариант 3; A-17/1—2 (IV в.), A-16/2, серия 1, вариант 4; A-16/4, серия 3 (IV—V вв.), A-17/3 (третья четверть IV—V вв.), наконечники поясов Раддатц J-III и J-IV—I, а также эмали, оружие, гребни и некоторые формы керамики. Здесь же упомянем и многочисленные находки *Bügelknopffibeln* в рязанско-окских могильниках. М. М. Казанский, определив основное время этих импульсов между 335 и 375 гг., тем не менее, не стал связывать их напрямую с военными акциями Германариха (Jordan, 117—120). Избежав соблазна археологически подтвердить Йордана, он предположил, что распространение «южных» вещей на север происходило по торговым путям, лишь показывая возможные напреявления экспедиций готов, которые могли воспользоваться уже известными маршрутами. Заслуживает и пристального внимания вопрос о дальнейшем изучении непосредственной контактной зоны

между носителями северо-западного круга древностей и черняховской культуры в виде днепро-двинско-среднетушемлинской, штрихованной керамики, мощинской и киевской культур, отождествляемых обычно со смешанным балто-праславянским населением. Киевская культура, находясь в период C2—D2 (вторая половина II — начало V в.) на северном пограничье «державы Германариха», сыграла, по-видимому, решающую роль в образовании раннеславянских пеньковской и колочинской культур рубежа V/VI—VII вв., явившись, по определению М. Б. Щукина, «эмбрионом будущего славянства».

Для первой половины I тыс. н. э. в качестве «южного» предполагается и определенное влияние, вплоть до прямых миграций через территории Нижнего и Среднего Поволжья, степного населения. В качестве «промежуточных» можно привести памятники типа Андреевский курган в Мордовии: римские фибулы типа Ауцисса, восьмерковидная железная пряжка Раддатц U и бронзовый таз типа Дебельт позволяют датировать комплекс в широких пределах ступенями B2—C1 (I—III вв.). Для более позднего времени (V в.) переоценивать влияние кочевников не следует. Так, например, обилие на разграбленных городищах Литвы и Смоленщины трехлопастных наконечников стрел т. н. гуннского типа вовсе не означает их военного присутствия здесь. Как отмечал М. М. Казанский, таких стрел полно и на неграбленных поселениях, а у «колочинцев» (Тайманово, Песчаное и пр.) они и вовсе массовый материал. Так что здесь, скорее всего, результаты внутренних разборок.

Однако имеющиеся на Северо-Западе находки предметов вооружения римского времени, археологически представленного в материальной культуре европейских варваров вплоть до начала VI в. (т. е. ступени E), указывают скорее на «западное» напреявление связей (рис. 3: 6; 7). Прежде всего, упомянем в этом ряду узколезвийные боевые топоры из Глумицкого болота со звездой в стиле Сёсдал на щекавице (рис. 3: 5; рис. 4: 1), кургана 2 могильника Чагода I (рис. 2: 32) и Демидовки (рис. 2: 31). Балтское (западно-балтское?) оружие — втульчатый ромбовидный наконечник копья и умбон щита типа Либенау совместно удилами с кольцевыми псалиями оформленными в стиле Сёсдал и трехчастными грызлами — в сочетании опять же с балтским (германским?) погребальным обрядом (кремация накрытая щитом) представлено в кургане 45 могильника Доложский погост на Ижорском плато (рис. 2:

30, 34; 3: 1—3; 6: 1—3). Умбоны типа Либенау, характерные после III в. для позднеримской варваризованной армии, за редким исключением (Цебельда, Глувиче), к середине V в. исчезают, что дает основание датировать комплекс второй половиной IV — первой половиной V вв., т. е. периодом D1–D2 (метод «узких дат» вообще указывает на 375—425 гг.).

Из наступательного оружия отметим двухшипный наконечник дротика IV—V/VI вв. из длинного кургана 9 могильника Суре-Рысна в Ю-В Эстонии (рис. 2: 33; 6: 30) и однолезвийные мечи из Турово: случ. находка в Лужском районе Ленинградской области (рис. 2: 38; 3: 4) и сопковидного кургана могильника Куреваниха III на Мологе (рис. 2: 37; 6: 31), не имеющие аналогов в материалах местных древностей. Упомянутый топор из Глумиц (случайная находка) и вовсе имеет близкие сопоставления в материалах центральноевропейских памятников III—IV вв., а меч из Турова с ассиметричным лезвием относится к периоду C3/D1, что подтверждают аналогичные находки на римско-иберийских памятниках конца IV в. Основанием для датировки однолезвийного меча из Куреванихи серединой V—VI в. служит датировка углей из погребения по C14 (1460±90 лет назад), выполненная по заказу А. Н. Башенькина в начале 1990-х гг. Близкие по типу находки в Юго-Западной Финляндии не исключают и более ранней даты меча — II—IV вв. Однотипны по форме, хотя и значительно короче — до 40 см (меч из Куреванихи — 67 см) — боевые ножи приуральских финнов-угров.

Наплыв импортов и местных подражаний, достигший пика в период 430—490-х гг., диагностирует, т. о., сильный импульс с запада от каких-то романизованных варваров через территорию Пруссии или Среднего Подунавья. Отсюда в лесной зоне Восточной Европы и эмали кельтского типа, и вещи стиля Сесдал (лунницы из Рысна-Сааре, Горско, Любахина), и наплыв В-образных рифленых пряжек (Памусис, Таурапилис, Вижйя, Лихула, Линдора, Полибино, Усть-Белая IV, Млевский Бор и др.), и меровингских фибул в Мазурии, норик-паннонских в Литве, типа Смолин в Плинкайгалисе, Демидовке, Борках, Безводном, дунайских пряжек в Клайпеде, Таурапилисе, Демидовке, Хотьще, Борках, Картамышеве и пальчатых фибул в Спас-Перекуше, Латвии и Эстонии.

Крах державы гуннов после поражения 451 г. и последующей смерти Атиллы мог вызвать серьезные подвижки по всей Европе: бежавшие было на север, степняки вернулись в Северное Причерноморье, оконча-

тельно вытеснив оттуда уцелевших остготов (тех, что не ушли с гуннами в Паннонию). Активизировались и вестготы, уже не нуждавшиеся в союзе с гибнущим Римом (добит в 476 г.), активизировались и другие германские союзы племен. Эти ребята были весьма серьезны и вполне могли вызвать подвижки, волной добравшиеся и до Прибалтики. Отсюда, или с Дунайского запада, и появились новые погребальный обряд, оружие и украшения, быстро заимствованные местной «братвой». В свою очередь балты, сдвинутые с привычных мест обитания, вполне могли «ломануться» на восток, легко тесня «бомжеватых» аборигенов.

М. М. Казанский выделял для V в. несколько «волн» таких наплывов и вполне обоснованно связал с ними и распространение курганного способа захоронений (восточнолитовские, длинные, мощинские) и появление новых вещей, и строительство местными «пацанами» городищ-убежищ. Курганы горизонта т. н. «княжеских» погребений типа Таурапилис-Вижйя (рис. 7), как нельзя лучше иллюстрируют подобные предположения. Конечно, уровень их не дотягивает до памятников горизонта Leuna-Hassleben и Untersiebenbrunn, но как говорится «в каждой губернии свои масштабы». Ранние вещи из длинных курганов, взрывоподобно появившихся от Эстонии до Вологодчины, также диагностируют этот период по целому ряду вещей и признаков. Выделять локальные группы памятников и тем более придавать им хронологическое значение бессмысленно, т. к. данные «эволюции» не имеют серьезной доказательной базы (хотя понимаю, что соблазн очень велик). Так, по наблюдениям А. Н. Башенькина, ранние насыпи «длиннокурганной серии» V в., находятся, в том числе, и на восточной окраине ареала этих памятников (могильники Усть-Белая IV на Мологе, Любахин I на Песи, Варшавский Шлюз I на Чагоде и др.), опровергая теорию постепенного продвижения с запада на восток. Исследователь также не видит принципиальной разницы между этими «длиннокурганными» комплексами и высокими сопковидными насыпями типа Горско-Крутец-Избищи I — Куреваниха III, объединяя их в рамки одной культуры.

Завершая беглый обзор ситуации на варварской периферии, отметим, что все эти движения IV—V вв. (особенно середины V в.), могли «разбудить» и «осиный рой» праславян лесной зоны, спорадическое проникновение которых в пшеворско-черняховскую среду (вернее то, что от нее осталось), сменяется в VI—VII вв. широкой экспансией, охватив-

шей территорию от Эльбы и Балтики на севере, до Причерноморья, Подунавья и Балкан на юге (Jordan, 119). Выход славян на историческую арену и «выдавливание» ими восточных германцев на запад археологически выразилось в образовании пражско-корчакской и других родственных ей культур (поздний этап колочинской, пеньковской), представлявших принципиально новый горизонт восточноевропейских древностей раннего средневековья.

Не имея возможности повторить свои же работы подробно, укажу их общим перечнем в Приложении. Еще сложнее и бессмысленнее пересказывать виртуозный и по-сути криминалистический уровень аргументаций идей М.Б. Щукина и М.М. Казанского, тем более что все это неоднократно и подробно обсуждалось на заседаниях семинара и сформировало уже как минимум два поколения археологов-вещеведов.

3. Поиск сопутствующих КДК групп памятников и их увязка в единый хронологический горизонт восточнобалтийского региона дославянского периода. Важны территория нахождения и хронология вещей, а не условные рамки искусственно выделенных культур. Новое понимание новых находок. Дальнейшие перспективы и напрежения исследований.

Так ли важна привязка к границам и формату «культуры» при изучении хронологически значимых вещей, в т.ч. не совсем понятных, но крайне интересных? Что представляли собой носители КДК (памятников типа Линдора-Полибино)? В общепринятом смысле, это еще не этнос, а родовые коллективы с близкородственными связями, однохарактерным хуторским бытом и общей исторической судьбой (конвексии и консорции по Л.Н. Гумилеву).

Ареал бытования — зона финской гидронимики. Погребальный обряд смешанного типа — кремации «на стороне» в длинных, удлинённых и полусферических курганах (основные, впускные и поверхностные погребения), а также «площадки» с грунтовыми захоронениями. Все практически синхронно, вещей почти нет. Однако все выразительные предметы — общеевропейского типа. Ранние экземпляры (прямо или косвенно) датируются в пределах конца IV — начала VI в. Это многих смущает, говорят: «Не может быть! Это в Европе так, а у нас это VI в. и не раньше!». Примерно с таким уровнем аргументации стоит на позициях большинство наших оппонентов (здесь я ответчик и за покойного учителя М.Б. Щукина). Их императив — «Зачем сложные и далекие сопоставления вещей?».

Вторая «установка» — это славянство носителей КДК. Почему? Потому что лепная керамика баночных форм «славянского» типа и датировка VI в. Все! Круг замкнулся. То, что такая керамика присутствует повсеместно и датируется от Гальштата до времен сталинской коллективизации для большинства «горшковедов» также не аргумент. Спрашиваешь, в Эстонии тоже славяне? Ответ — «буферная территория смешанного влияния», «межкультурные импульсы» и пр.

Определение этнической принадлежности культур — дело вообще зыбкое. Вон в Ладого для VIII—IX вв. до сих пор не определить, чье там больше — славянского, финского или варяжского (северогерманского). Что же говорить о бродягах и бедолагах эпохи Великого переселения? Со славянами-реколонистами «постдунайского» периода, приход которых на Северо-Запад археологически отмечен не ранее рубежа VII—VIII вв., можно, скорее, связать закат КДК и ее стагнацию, чем происхождение. Кстати о пресловутом «железном занавесе». Опустил его, похоже, на западных рубежах России впервые не Сталин и не Иван Грозный, а славянские «полевые командиры» еще в далеком VIII веке. Прибывшие варяги в этом смысле мало что изменили: Рюрик в Гардарике пробыл недолго, а выжившие сподвижники быстро ассимилировались, растворившись среди местной «братвы» формирующегося государства...

Обозначенные проблемы уходят корнями в идеологические рамки советского периода, когда стояла задача обосновать местное (славянское) происхождение всех древностей Среднерусской равнины и сопредельных территорий. Отсюда и сложившаяся практика — понимать вещи как принадлежность культуры и постулат: «культура датирует вещи». Если поставить все с «головы на ноги», то станет понятен приоритет хронологии вещей над традиционным форматом культуры. Более того, культура сама по себе, вообще предстанет как временная условность. Появятся новые данные — изменится и ее понимание (примеров масса). Главное же — вещевой набор и его датировки. Неважно ведь, где подбит немецкий «Тигр» — в России, Африке или Нормандии. Важно, что он производился в 1942—1945 гг. в гитлеровской Германии и являлся выразителем агрессивной политики теперь уже германцев XX в. Впрочем, предлагаю оставить методологию «яйцеголовым» теоретикам и заняться основным делом нашего семинара — хронологией вещевого комплекса эпохи формирования «современной» Европы.

**Список авторских работ
Каргапольцева С.Ю.
по данной теме исследования:**

- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1986. Об одном типе раннесредневековых пряжек. *Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Межвузовский сборник*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 184—190.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1986. Северо-западные длинные курганы в контексте северо- и центральноевропейских древностей эпохи великого переселения народов. *X Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл.* Ч. I. Москва: Изд-во Института истории АН СССР, 199—201.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1986. Хронология В-образных рифленых пряжек в Европе (к проблеме нижней датировки длинных курганов). *Финно-угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов*. Сыктывкар, 129—138.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1987. Об одной категории раннесредневековых древностей. *Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч. конф.* Псков, 58—59.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации. *Краткие сообщения института археологии*. Вып. 198. Москва: Наука, 28—34.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе. *Советская археология*. №3. Москва: Наука, 163—170.
- Каргапольцев С.Ю. 1989. Новые находки «каменных кругов» на Севере Восточной Европы. *XI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл.* Ч. I. Москва: Изд-во Института истории АН СССР, 178—180.
- Каргапольцев С.Ю. 1990. Пельтовидные лунницы в Восточной Европе (к проблеме хронологии Северо-Запада). *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф.* Вып. 3. Новгород, 44—45.
- Каргапольцев С.Ю. 1991. Умбоны щитов и боевые топоры как индикаторы синхронизации в контексте центральноевропейско-причерноморских связей римского времени. *Проблемы истории Крыма: Тез. докл. науч. конф.* Вып. 1. Симферополь, 58—60.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1992. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации). *Петербургский археологический вестник*. №2. Санкт-Петербург: Фарн, 113—126.
- Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.). *Петербургский археологический вестник. Научный журнал*, №7. Санкт-Петербург, 113—122.
- Каргапольцев С.Ю. 1994. *Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук*. Санкт-Петербург.
- Каргапольцев С.Ю. 1996. К вопросу о погребальном обряде памятников типа Линдора-Полибино. *Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: Тез. докл. тематической науч. конф.* Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 26—27.
- Каргапольцев С.Ю. 1996. О нижней дате памятников типа Линдора-Полибино. *Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтению*. Санкт-Петербург, 6—9.
- Каргапольцев С.Ю. 1997. Двухшипные наконечники дротиков памятников Северо-Запада в контексте древностей римского времени и эпохи великого переселения народов. *Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти А. Мачинской. Материалы к чтению*. Санкт-Петербург, 99—101.
- Каргапольцев С.Ю. 1997. Северо-Запад Восточной Европы III—VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязи). *Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI междунар. конгресса славянской археологии*. Т. 3. Москва: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 88—98.
- Каргапольцев С.Ю. 1998. К вопросу о влиянии провинциально-римской торговли на сложение поселенческих центров восточно-европейского Барбарикума. *Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической науч. конф.* Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 144—149.
- Каргапольцев С.Ю., Шевченко Ю.Ю. 1998. К проблеме происхождения и эволюции литых браслетов с расширяющимися концами. *Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл.* Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 45—47.
- Каргапольцев С.Ю. 1999. Двухшипные наконечники дротиков как индикатор синхронизации древностей римского и раннесредневекового времени (к проблеме хронологии древностей Северо-Запада Восточной Европы). *Скандинавские чтения 1998 г. Этнографические и культурноисторические аспекты*. Санкт-Петербург: Наука, 29—35.
- Каргапольцев С.Ю. 2000. Составные кольчатые удила как индикатор синхронизации восточноевропейских древностей эпохи великого переселения народов. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996—1999 гг.* Псков, 157—160.
- Каргапольцев С.Ю., Шукин М.Б. 2001. О находках оружия позднеримского времени на Западе Ленинградской обл. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 г.* Псков, 228—241.
- Каргапольцев С.Ю., Седых В.Н. 2002. Комплекс находок на Кургальском полуострове. *Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти А. Мачинской. Сб. статей*. Санкт-Петербург, 111—116.
- Каргапольцев С.Ю., Шукин М.Б. 2002. Новая находка оружия позднеримского времени на Западе Ленинградской обл. *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. Памяти О.И. Давидан*. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 76—90.
- Каргапольцев С.Ю., Булкин В.А., Седых В.Н. 2005. Реки восточной части балтийского бассейна и Северо-Запад России в позднеантичное время (письменные и археологические данные). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2. История. Вып. 3, июль 2005. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 142—152.

Kargapoltsev S., Schukin M. 2006. Nouvelles découvertes d'armes occidentales de l'époque romaine tardive en Russie du Nord-Ouest. *De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières. T. XV des Mémoires publiés par l'Association française d'Archéologie mérovingienne*. Paris: Saint-Germain-en-Laye, 288—294.

Kargapoltsev S., Sedyh V. 2008. Les Fleuves de la partie Orientale du bassin de la Mer Baltique dans des sources écrites d'antiquité tardive et quelques découvertes sur le fleuve de Louga. *Ancient West & East*. Volume 7. Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 287—293.

Игорь Бажан

8 апреля 2010, 15:54

А в чем новизна работы докладчика, как бы выделить?

Реально славянами себя ощущали люди на Дунае и вокруг Карпат. Абсолютно согласен.

Я всегда был сторонником непосредственного влияния европейской моды и датировок на наш лес и коротких датировок импортов. Относительно этносов, рано говорить с достоверностью, особенно в настоящее время, когда грабительские раскопки чуть ли не удваивают материал за год. Главную задачу исследователей леса вижу в острой необходимости отслеживать и вводить в оборот импорты в лесной зоне, даже с размытыми до области местами находок.

Петр Шувалов

10 апреля 2010, 12:42

Согласен с написанным Мишелем и Игорем и об этничности, и о размытости новизны в тезисах.

Старая проблема, которая губит автора тезисов: желание быстренько выйти на уровень социологических реконструкций.

Я не против выйти, до доказательства по каждому пункту надо разобрать. Иначе в выводах тонут идеи, хорошие идеи. А вот их бы как раз и обсудить. С прицелом на выводы, конечно.

Дискуссия

**на семинаре 12 апреля
(не стенограмма) по докладу
С.Ю. Каргапольцева.**

Олег Шаров

14 апреля 2010, 11:12

Шаров: у нас с северо-западниками были серьезные разногласия по хронологии целого ряда типов вещей, хронологии культуры ПДК, которые еще год назад казались неразре-

шимыми. Мне кажется, настало время прийти к консенсусу.

Вопрос, как мне кажется, вот в чем. Мы шли к одному вопросу по-разному. Я и мои коллеги, занимающиеся изучением европейских древностей, опираемся на даты закрытых комплексов, даты кастеллов, монет, импортов, найденных также во множестве закрытых комплексов и потому имеющих четкие и проверенные даты на значительном пространстве Европы и Скандинавии. Но, по-моему, никто не разбирал, как это все датируется в лесной зоне. Просто переносились даты европейские в лес и датировались и комплексы, и горизонт Линдора-Полибино, и т. д. Что я хочу сказать? Насколько совпадают даты вещей по импортам и монетам поселений и комплексов КДК с датами, полученными калий-аргоновым методом или хотя бы дендрохронологическим? Насколько это проверено и соотнесено в самой Европе и Скандинавии? На методику абсолютных дат, полученных этими методами, влияют масса факторов — природных, геомагнитных да и субъективных — поправки, вводимые везде, во всех лабораториях одновременно, достаточно часты. Посему даты, полученные археологическими и физическими методами, могут и не совпадать. Тогда чему верить — этим абсолютным датам, датам европейских вещей или вообще своей интуиции, исходя из своего понимания развития культур Северо-Запада? Сейчас, благодаря работам М.М. Казанского, с одной стороны, и Е.Р. Михайловой, с другой, несовпадения между датами по культурам лесной зоны, прежде всего, по КПДК, стали небольшими. По европейским параллелям начало 1 этапа D2—D3, то есть не позднее середины — 3 четверти V в. у Казанского и конец V — начало VI вв. у Лены.

Тот комплекс вещей, который есть основа раннего комплекса длинных курганов, сложился, скорее всего, после 455 г., то есть после Недао. Лесная зона включилась во все это, и появление целого ряда культур вполне можно датировать европейскими датами. Получается как бы подключение к европейским ритмам, все работает как связанный механизм. Но это было краткосрочным, 1—2 поколения, с VI в. начинается собственное развитие культуры и возможное появление имитаций или дериватов типов вещей, которые они принесли в сер. V в. с собой в лесную зону.

Нам надо сообща четко посмотреть вещи этого второго периода. Мы можем опреде-

лить, что это — имитация или нет, и тогда находка имеет совсем другую дату.

Хочу еще раз сказать, уважаемые коллеги, нам нельзя уходить от даты V в.

Даты D2—D3 — то самое начало, с чего все началось в лесной зоне.

Каргапольцев: откуда они пришли, с юга или с запада, — это вопрос второй.

При изучении проблемы периодов надо взять все вещи, несмотря на то, откуда они, и посмотреть их эволюционные ряды.

Со славянами постдунайского периода связан период деградации длинных курганов (VII—VIII вв.).

VII—VIII вв. — уже верхняя дата КДК.

Ничто за последние 10 лет меня не сдвинуло с моих позиций.

Лесман: не буду обсуждать, V, VI, VII, VIII вв. — это следующие вопросы.

То, что я хочу сказать, касается методики. Что делать с хронологией длинных курганов? У нас есть серия вещей, у которых есть близкие параллели в Центральной Европе, Южной, иногда на Северном Кавказе, в Поволжье. Там есть определенные хронологические системы разной степени надежности, где есть монеты, стратиграфия, периодизация и т. д.

Что с этим делать? Этим занимались серьезно для позднего времени. Мы принимаем хронологию и проверяем, работает ли она.

Иногда удается проследить традицию.

Что делать с лесной зоной Северо-Запада? Как правило, бедные комплексы, где редко больше 1 вещи с достоверными аналогиями; где стратиграфически можно проверить хронологию — десяток памятников найдется на всю лесную зону.

Радиоуглерод может датировать, но даты в наших лабораториях крайне малонадежны. Также и с дендрохронологией. И при этом — чего дату мы имеем? Части той деревяшки? Чаще всего на анализ попадает сердцевина дерева — от датировки когда дерево было срублено надо отбросить время, сколько оно росло. Есть риск искажения.

Что мы можем сделать? Взять даты для Центральной Европы и проверить на этом десятке.

С другой стороны, можем сравнить даты Центральной Европы с более богатыми комплексами (в Прибалтике, кроме Эстонии, в Прикамье).

Вне зависимости от того, откуда попадают вещи, если мы можем достоверно об этом

говорить, есть шанс, что у нас они примерно близки по времени. Если еще наложим наши комплексы — это доказывает аргумент, что все происходило синхронно.

Но если «плавают» — для ряда вещей фиксируются четкие локальные различия, очерчиваются четкие культурные территории.

Мы не имеем набора вещей, в основном — отдельные вещи. Комплексов мало. Если мы предполагаем, что они поступали волнами, — когда пришла волна? Надо отделить диапазон бытования каждого из типов. Сочетания вещей дают возможность датировать узко. С какими вещами сосуществуют, когда этот набор мог прийти.

Нужно анализировать своих соседей.

Михайлова: с одной стороны, невозможно просчитать все возможные комбинации с вещью. За всем этим стоит историческая ситуация.

Все обобщения начинают сыпаться, если мы обратимся к конкретному материалу.

Культур нет. Они «размазаны». Надо максимально плотно работать с конкретными вещами и памятниками.

Шаров: на Северо-Западе открыты памятники I в., а мы хорошо знаем IV—V вв. Надо работать в тандеме.

Каргапольцев: я пытался говорить о конкретных вещах. Метод сопоставления вещей культур — как красная тряпка, сопоставлять явления субкультур и культур — это уже не то. Это вопрос, по сути, философии. Я за вещи.

Юрий Шевченко

19 апреля 2010, 0:05

Само-то выступление хорошее было... вот только смотреть было не на что. Да и Ю.М. Лесман после всего вышел и рассказал, как калибруются радиоуглеродные даты отдельно — по годовым кольцам деревьев — по каждому (sic! — не шучу, так оно и было...), и это длилось дольше, чем оба доклада вместе взятых.

С.Ю. Каргапольцев как раз по тезисам выступал: прямо читал по бумажке!

А вот Елена Робертовна, увы, и не выступала даже (к сожалению! — уж у нее получилось бы лучше, чем у Лесмана — она «сильнее»!).

Я все больше и больше недоумеваю: все говорят-то ОБ ОДНОМ И ТОМ ЖЕ, доказывают — ОДНО И ТО ЖЕ, но при этом еще и... спорят!.

Семинар «Хронограф» 8 ноября 2010 г.

Тезисы доклада Ильи Бажана о Балыктыюльском кургане

Илья Бажан

7 ноября 2011, 0:53

1. В 1967 г. были проведены раскопки четырех курганов Южноалтайской археологической экспедицией ГЭ. Было исследовано четыре кургана в районе Пазырыка: 2 — на Балыктыюльском могильном поле на берегу Большого Улагана (№225 и №227) и два — у Пятого Пазырыкского кургана (№23 и №24).

Задачей является подробное рассмотрение вещевого комплекса кургана №227 Балыктыюль.

2. Впервые материал был опубликован С.С. Сорокиным в АСГЭ №18 за 1977 г.

3. Автор проводит анализ материала, но сталкивается с затруднением в определении возраста балыктыюльских пряжек. Сорокин пишет про сплав, из которого сделаны предметы, так называемая белая бронза, из которой в Китае делали зеркала, и одно такое (сохранилась только ручка) было найдено в Катонском могильнике, на Южном Алтае.

4. Смирнов предполагает местное изготовление пряжек, то есть азиатское, но ближайшие параллели либо далеко на востоке (Япония), либо далеко на западе (Центральная Европа, Причерноморье).

Пряжки из Японии, найденные в Отани при раскопках кургана V—VI вв., имеют лишь сходную схему с балыктыюльскими (обособленная ось для язычка), но не аналогичны им.

5. Это заставляет обратиться к западным параллелям. Автором были рассмотрены аналогии из могильника Золотой балки (катакомба 48) и сарматского погребения у с. Ново-Филипповка. М.И. Вязьмитина датирует обе пряжки I—IV или даже II—IV.

6. Большое количество аналогичных пряжек есть в центральной Европе, в частности, в Чехии и Словакии. По Матыковой-Шнейдровой такие пряжки датируются ступенью B1 (по Х.Ю. Эггерсу), то есть первой половиной I в. н. э.

7. Несмотря на это, С.С. Смирнов пишет, что в Сибири и Средней Азии можно указать на прототип одной из балыктыюльских пряжек (пряжка, у которой ось языка расположена на середине длины дужки). Это костяные

и бронзовые пряжки без язычка и со специальным отверстием для крепления к ремню, характерны для памятников лесостепной Азии середины и второй половины первого тысячелетия до н. э.

8. Автор все же не дает точную датировку этому комплексу, вписывая его во вторую четверть первого тысячелетия, то есть в эпоху вторжения кочевников в Среднюю Азию.

9. Атрибуция балыктыюльского пояса — вопрос очень сложный, требующий рассмотрения поясной гарнитуры как комплекса, по конструкции (здесь помимо пряжек присутствуют поясные кольца и скобы) и по стилистике оформления.

10. С.С. Сорокиным не было учтено то, что кроме формы диагностирующим признаком являются фасетки, то есть традиции римских мастеров. Распространение вещей с фасетированием в степях Восточной Европы начинается в конце II в. или в начале III в., после Маркоманнских войн. На это обратил внимание В.Ю. Малашев, который также нашел достаточно много аналогий балыктыюльским пряжкам в центральной Европе (например, застёжки группы А с территории пшеворской культуры; и наиболее близки им пряжки типов 17 и 24 (по Madyda-Legutko) — соответственно, центральноевропейские периоды B1 и B2)).

11. Конструкция пояса из кургана 227 Балыктыюль, включающая в себя помимо кольца с зажимами и скобы, находит соответствия в Центральной Европе. Здесь стоит обратить внимание на прямоугольную рамку с двумя зажимами, которая имеет аналогии на центральноевропейских поясах, восходящих к римским образцам, от рубежа эр до периода B2.

12. В.Ю. Малашев справедливо выделяет еще один диагностирующий признак центральноевропейских поясов периодов B1—C1a — это использование скоб, подобных балыктыюльским. То же самое можно сказать и о кольцах с зажимами из кургана 227, их аналогии известны еще с периода B1.

13. Все это позволяет атрибутировать поясные детали как выполненные в центральноевропейской (римской) традиции. Достаточно сложно предположить и независимое появление специфических приемов декорирования предметов. Находки поясных деталей из Балыктыюля имеют соответствия на территории Тувы — могильник Кокэль. Это касается и пряжек и колец с зажимами, однако на всех пряжках отсутствует фасетировка, и общий облик этих предметов несколько отличен.

Нельзя с уверенностью утверждать, что предметы из Кокэля имеют какое-либо отношение Балыктыюлю. Можно лишь сказать, что поясные детали из кургана №227 выглядят более «однородно» и ближе все-таки к Западно-Европейским образцам.

Н.Н. Николаев в своей работе отмечал, что подобные детали не известны в хуннских материалах, и дата пояса из Балыктыюля — II в. н. э., Кокэль же автор датирует не ранее III в. н. э.

14. Также стоит отметить гипотезу о происхождении и хронологии балыктыюльских вещей в коллективной работе В.В. Боброва, А.С. Васютина, С.А. Васютина. Авторы датируют пряжки V в. на основании материалов из Кореи и Японии, из Кореи также происходят кольца с зажимами, датирующиеся не ранее V в.

15. Следует отметить, что длинные пластинчатые зажимы на кольчатых псалях и пряжки с подвижным щитком получают широкое распространение как конструкция в начале III в., а наконечники с валикообразным расширением — со второй половины III в., а не с конца IV, как полагают В.В. Бобров и другие.

16. По имеющимся данным, комплекс балыктыюля следует датировать III в. н. э., а также относить поясную гарнитуру к западным образцам.

Литература

- Madyda-Legutko R. 1986. Die Gurtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. *BAR*.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. 2003. *Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III—VII века)*. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН.
- Малашев В.Ю. 2007. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II—IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс). *РА*, №3, 111—121.
- Николаев Н.Н. 2000. Поясные наборы могильника Кокэль. *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского*. Санкт-Петербург, 70—84.
- Сорокин С.С. 1977. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка. *АСГЭ*. Вып. 18, 57—68.

Олег Шаров

8 ноября 2010, 1:18

Сдержал слово, спасибо. Ценю.

Олег Шаров

8 ноября 2010, 10:50

Все чинно и благородно, я прочел, думаю, что ты прав, но все же не забывай, что

на Боспоре — самом крайнем форпосте Рима — все появилось ранее, чем в сарматском южноуральском мире. Это Малашев не учитывает и ориентируется на те изменения, которые происходят только в удаленном уральском сарматском мире. На Боспоре маркоманские пряжки существуют, как и в Риме, с I века н. э. А фасетирование появилось еще в эпоху Маркоманских войн, то есть во второй половине II в. н. э., так что возможна и дата вторая половина II — начало III вв. Надо рассмотреть все пряжки и статьи Труфанова, а вдруг это появляется на Боспоре еще раньше, чем мы думаем.

Илья Бажан

8 ноября 2010, 11:32

Да, это так. Такие пряжки или подобные им есть уже в первом веке, но могли ли они попасть аж на Горный Алтай так рано?

Максим Левада

11 февраля 2010, 17:49

1. Чьи рисунки?

2. Илья, Вы видели вещи «руками»? Замечание по фасеткам очень важное, но по рисункам их определять рискованно.

Илья Бажан

8 ноября 2010, 17:55

Рисунки Смирнова, он их и впервые опубликовал; про фасетки написал Малашев, думаю, ему можно верить. Вещи я сам в руках не держал, к большому сожалению.

Максим Левада

9 ноября 2010, 19:56

А Малашев видел?

Илья Бажан

9 ноября 2010, 20:13

А кто ж его знает, но раз пишет, значит, уверен в этом.

Максим Левада

9 ноября 2010, 21:32

Хм...

Игорь Бажан

9 ноября 2010 в 22:28

Впервые на этот комплекс обратил внимание Щукин М.Б. На заседании, когда их показывали вживую. Смутно помню год — ранние 80-е. Тогда сибиряки, кто, не помню, от Марка отмахнулись. Второй раз я наехал с этими пряжками на Паульса и Лазаретова в середине 80-х. Паульс взял недельный тайм-аут и потом сказал: не выдумывай, их у нас полно

(кажется, в Минусе). Третий раз поднималась тема у Марка в 2005 или 2004 гг. Посмеялись, он тогда сказал, вон Илья разберется. Так что давай, разбирайся.

Максим Левада

9 ноября 2010, 23:02

И все вы не попробовали нормально нарисовать? Может, кто-то сделал для себя рисунки?

Игорь Бажан

9 ноября 2010, 23:36

Мне почему-то кажется, что в Эрмитаже лежит, или я путаю?

Максим Левада

9 ноября 2010, 23:38

Если в Эрмитаже, и материал уже был опубликован, может, стоит Илье перерисовать заново?

Илья Бажан

10 ноября 2010, 0:06

Должны лежать в Эрмитаже, поспрашиваю.

Олег Шаров

10 ноября 2010, 2:02

Точно в ГЭ, в отделе Востока.

Максим Левада

10 ноября 2010, 2:04

Олег, а ты Илью не «выпускай» на семинар, пока нормальные рисунки не покажет!!!

Илья Бажан

10 ноября 2010, 11:51

Я бы с радостью на них посмотрел, вот просто мне проникнуть туда не так просто...

Олег Шаров

10 ноября 2010, 11:57

Я узнаю сегодня, кто хранит, и будем решать. Я очень хочу поддержать эти вещи в руках.

Семинар «Хронограф»

20 декабря 2010 г.

Олег Шаров

17 декабря 2010 в 0:38

Воинские погребения могильника Чатыр-Даг

Некрополь Чатыр-Даг находится в центральной части Южного Крыма, на юго-

восточном склоне горы Чатыр-Даг, в 8 км к северу от Алушты. Горно-крымской экспедицией КФ ИА НАНУ и Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано в течение 1980—1996, 2001—2002 гг. 55 могил, содержащих останки кремированных умерших.

Исследования могильника выявили на территории некрополя два участка: «Северный» и «Южный», между которыми лежало пространство, не занятое захоронениями (Мыщ, Лысенко, Щукин, Шаров 2006: рис. 1).

Среди погребений можно выделить немногочисленную группу погребений с оружием, которые были открыты на обоих участках могильника.

«Южный» участок некрополя занимает пологий юго-восточный склон одного из отрогов горы Чатыр-Даг. Обнаруженные на этом участке некрополя «плитовые» могилы располагались компактной группой в один ряд, на расстоянии 1,0—2,5 м друг от друга. Погребения врезаны в склон и ориентированы по линии СЗ—ЮВ. Могилы представляли собой сравнительно глубокие грунтовые ямы с устроенными в них «каменными ящиками», сооруженными из плит мелкозернистого песчаника, в которых лежали урны-амфоры с прахом и погребальный инвентарь. В могиле №3 при устройстве «ящика» в пространство между его северо-западной торцевой плитой и стенкой могильной ямы поместили железные наконечник копья, топор, умбон, ручку от щита и серп. Проанализируем предметы вооружения из данных погребений (рис. 1).

Могила №2. Мечевидный наконечник копья из могилы №2 с длинным пером и сравнительно короткой граненой втулкой представляет особый интерес, так как подобные находки концентрируются в двух отдаленных регионах, с одной стороны, в Литве (Казакявичус 1988: 41—42, рис. 15), с другой стороны — в Абхазии. В Абхазии такие наконечники датируют в широких пределах IV—VII вв. (Воронов, Шенкао, 1982: 124—126), а О.А. Гей и И.А. Бажан отнесли такие наконечники к VII периоду чебельдинской культуры, который датировали 400—425 гг. (Гей, Бажан 1997: табл. 28: 27;). В Центральной Европе и в Скандинавии копья такого рода неизвестны. Единственный комплекс, происходящий из погребения 1 могильника Дрезден-Добритц любощицкой культуры, в котором представлено копье, идентичное рассматриваемому типу (Domanski 1979: Рус. 20: g), на мой взгляд, недостоверен для каких-либо парал-

лелей, так как форма копья реконструирована произвольно и по втулке оно полностью идентично второму короткому копыю совсем иной формы.

Второй наконечник копья, наоборот, относится к широко распространенному общеевропейскому типу XXII классификации П. Качановского, характерному для фаз C2—C3—D европейской хронологии (Kaczanowski 1995: 26, Tab. XV: 1).

Меч из погребения №2 был специально согнут, что свойственно, прежде всего, погребальным обрядам пшеворской культуры. По типологии М. Биборского, он относится к типу X и датируется фазами C1b, C2, C3 (220/230—350/360 гг.) (Biborski 1978: 91—95). На основании встречаемости находок наиболее реальная дата могилы №2 — фаза C3/D1.

Могила №3. Умбон из могилы №3 железный, шлемовидный, с широким рантом, диаметром 19,0 см и высотой 7,5 см (рис. 2). Купол умбона сфероконический, низкий, но заостренный. Калотта низкая, с одной стороны слегка расширяется от купола к ранту, с другой слегка сужается. По моему мнению, наиболее близкие параллели представлены в Норвегии и Шлезвиг-Гольштейнии. Это тип Va по Я. Бёманну (Bemann 1999: 463, Abb. 84). Умбоны этого типа имеют сферо-конический купол и, как правило, цилиндрическую калотту. Они распространены в Норвегии и датируются временем «Vøien-Gruppe» погребений с оружием Скандинавии (Bemann 1999: 308—312), что соответствует ступени C3 по К. Годловскому (320/330—350/360 гг.). Ручка от щита из могилы №3 представляет собой железную пластину длиной 15,0 см с расширяющимися концами. Соответствует типу 5с ручек по классификации Й. Иллькера и датируется начиная с C1b по C3 (Ilkjær 1990: 36, 297, Abb. 23, 200).

Наконечник копья из погребения №3 сопоставим с пшеворскими наконечниками типа XX по классификации П. Качановского, датируется ступенью C2, но единичные экземпляры датируются фазой C3/D. (Kaczanowski 1995: 25, tabl. XIV, 5). Сочетание всех рассмотренных типов вооружения указывает на первую половину-середину IV в. н. э. как на вероятное время совершения захоронения №3.

Другие воинские захоронения были открыты на «Северном» участке некрополя. Он расположен на возвышенности, в 200 м от «Южного» участка, и отделен от него небольшой балкой. С запада этот участок ограничен строительным котлованом, который уничтожил целый ряд погребений

элитного участка некрополя, в частности, погребение №12, из которого происходят интересные находки.

Могила №12. Кинжал из могилы №12 представляет собой обоюдоострый клинок с вырезами возле основания рукоятки по обеим сторонам лезвия. Длина его 51,2 см, длина рукояти 5,6 см, ширина лезвия 3,2 см. Изделие относится к типу кинжалов Хазанов — V. В литературе они также часто фигурируют под названиями кинжалов «меотского типа», в Подунавье известны как тип «Микия». Один из весьма распространенных видов оружия эпохи переселения народов, особенно на Кавказе, в Подонье, Поволжье и в Крыму, известны находки и в Подунавье и на поселениях черняховской культуры. Обращает внимание определенное скопление кинжалов «меотского» типа в бассейне Терека (Soupart 1996: Karte 1). В Кишпеке представлена наиболее ранняя находка такого меча, которая датируется еще фазой C2, или рубежом III—IV вв. н. э., остальные находки датируются уже периодом D.

Наконечник копья из могилы №12 длиной 32,6 см, пиковидный, с восьмигранной втулкой, на конце которой имеется насадка-кольцо, орнаментированная десятью фасетками. Такие копия крайне редки и аналогии известны, прежде всего, среди скандинавских находок. По ромбическому сечению пера такого рода копья можно было бы отнести к типу 5 «Хавор» по Й. Иллькеру, но они не имеют многогранной в сечении втулки и у скандинавских копий слегка выделено перо. Ближе по форме пера к чатырдагскому наконечнику типа 11 «Моллестад» по Ю. Иллькеру, но при всем сходстве скандинавские наконечники имеют выделенное центральное ребро (Ilkjær 1990: 58—59, 79—85, Abb. 197). Оба типа копий начинают использоваться в периоде C3 и бытуют в течение всего периода D. Находки такого рода копий происходят также из Абхазии, где их относят ко второй половине IV — началу V вв. н. э. (Воронов, Шенкао 1982: табл. 2—25, 26, 124, 126). Таким образом, можно датировать погребение №12 фазой D (350—450 гг.).

Могила №20. Безурновое погребение было совершено в грунтовой яме под каменной вымосткой. Наконечник копья из могилы №20 листовидный, с восьмигранной втулкой. Длина его 32,7 см, ширина пера — до 4,3 см. Ближайший по морфологии тип наконечника копья — это тип XV по П. Качановскому ступени B2/C1 и C1b (Kaczanowski 1995: 23, tab. XII — 3).

Могила №55. Урновое погребение в каменном «ящике». При устройстве «ящика» в пространство между его боковой плитой и стенкой могильной ямы поместили железные серп и наконечник копья. Кальцинированные кости тщательно очистили от остатков костра и ссыпали в урну — красноглиняную амфору вместе с оплавленными изделиями из железа, бронзовыми деталями костюма, стеклянными бусами и фоллисом императора Диоклетиана (284—305 гг.). Наконечник копья можно отнести к типу XXII по классификации П. Качановского (Kaczanowski 1995: 26, tabl. XV-2), который датируется от ступени C1a до C3/D. Можно полагать, что захоронение в могиле №55 было совершено в первой половине IV в.

В трех воинских погребениях (мог. №№2, 3, 55) были обнаружены вместе с оружием серпы. Форма этих серпов, по мнению Г.А. Вознесенской и М.Е. Левады (Вознесенская, Левада 1999: 262), относится к римской традиции, но при общем морфологическом сходстве есть и явные отличия. У серпа из могилы 2 четко виден тупой угол, образованный рукоятью и обушковой частью серпа, его лезвие почти прямое.

Такие серпы встречены лишь в Илурате и Семеновке, то есть в комплексах, погибших в третьей четверти III века н.э., и не характерны для крымских памятников предшествующего времени. Возможные параллели можно найти среди материалов, происходящих из комплексов Tarandgräberkultur позднеримского времени в Эстонии (Шмидехельм 1955, рис. 12, 16, 26, 31). Эстонские экземпляры близки чатырдагским находкам, но имеют более резкий переход от лезвия к рукояти и относятся по типологии С. Лаул и Э. Тыниссона ко второму типу «ножей-кос» или косарей (Laul, Tõnisson, 1991: 79, 90, joon 4, 5). В одном из достаточно редких комплексов с оружием Tarandgräberkultur в Ябаре, в могильнике «Е» такой косарь встречен вместе с умбоном и ручкой щита (Шмидехельм 1955, рис. 26). Как показал в ряде работ М. Казанский (Kazanski 1991: 496; Казанский 2006: 30—32) подобное сочетание — каменный ящик, урна с сожженным прахом, оружие, топоры-мотыги и серпы — наблюдается в Европе на берегах фьордов южной Норвегии. М. Казанский перечислил целый ряд памятников: Снипсад, Уаре Стабу, Гиле, Конгсенген, Снортхайм, Валле, Фьельберг и т. д. (Kazanski 1991: 496). К сожалению, все погребения находятся под курганами, но на Готланде в это время, помимо курганных погребений, появляются и грунтовые захоронения по обряду кремации

в неглубоких ямах, перекрытых камнями, или в каменных ящиках, где также встречено оружие (Могильников 1974: 204). В эстонских каменных могильниках также встречаются погребения по обряду кремации, содержащие в комплексе и серпы и предметы вооружения — детали щитов и копье. Это не полная аналогия чатырдагским и норвежским комплексам, так как в больших каменных оградках совершались коллективные захоронения. Тем не менее, захоронения в отдельных каменных оградках достаточно узко датируются и с ними можно работать. Целый ряд погребений могильников Восточной Пруссии, совершенных по обряду урновой кремации, также содержат в своем инвентаре и серпы/косы и предметы вооружения (Радюш, Скворцов 2008: 140—143, рис. 8, 12). Судя по находкам на Чатыр-Даге также перекладчатой фибулы и налобных венчиков-вайнаг, можно предположить, что путь ряда германских группировок из Скандинавии пролегал через Прибалтику, обходя ареал вельбаркской культуры. Опираясь на материалы погребений Чатыр-Дага, можно говорить о скандинавско-прибалтийском ареале, откуда могли прийти некоторые из обитателей Чатыр-Дага, принеся не только свои традиции погребального обряда, но и некоторые детали вооружения и украшения одежды.

Михаил Казанский

17 декабря 2010, 1:38

1. Мечевидные копья (по терминологии Казакевичюса) в англо-саксонское время появляются на Британских островах (тип Svanton 4). Видимо, тоже не случайно они здесь появляются, а с саксами, англами, ютами или фризами.

2. Для Дрезден-Добритц все же приходится реконструировать мечевидное копье, если учесть большую ширину пера в месте облома. Но может быть, не такое длинное, как обычно рисуют.

3. Там же, в любошицкой группе, есть и погребения с серпами (Корхов, по-моему).

4. Наиболее ранние кинжалы с вырезом, датируемые III в., на сегодняшний день зафиксированы на Северо-Восточном Кавказе, на могильнике Дербента (Нарын-Кала, погр. 4: Кудрявцев, Гаджиев 1991, рис. 12.6). Кишпек, я думаю, позже.

5. Вышеназванное сочетание, типичное для Чатыр-Дага и Ай-Тодора, — сломанное оружие, серпы, ящики (индивидуальные, а не оградки), удила и пр. — в полном наборе не просто известно мне в Норвегии, а известно только в Норвегии.

6. Сломанное оружие — обязательно пшеворский или даже германский признак. Наиболее экзотические примеры — Финляндия, Абхазия, гунны (Новогригорьевка), Северо-Восточное Причерноморье (под Новороссийском, римского времени).

Олег Шаров

17 декабря 2010, 11:58

Мишель, дорогой, я тебе верю про Норвегию, как и все. Пришли хоть один комплекс (точнее, вывесь в Хронографе), где есть такие сочетания в одном грунтовом погребении в каменном ящике с таким набором предметов. Все, что ты мне посылал тогда для нашего БАР, было по отдельности, то серп, то курган, то каменный ящик, но без набора. Может, это просто случайность выбора, но, пожалуйста, дай хоть один-два комплекса, где все это есть, и вопрос снимется. Я тебе доверяю на все 100, но это я, а остальные? Истина для всех — когда можно говорить об увиденном на картинке, а не просто внимать словам.

Олег Шаров

18 декабря 2010, 11:46

Мишель, конечно, когда мы писали БАР и зеленый Чатыр-даг, мы старались проверить эту версию, но, увы, в основном у нас нет литературы, а то, что есть, не дало ни разу всего перечисленного в одном комплексе. Да, есть каменные ящики, есть серпы, есть оружие, но в одной могиле я их так и не нашел. Тем паче, что почти все под курганами. У нас же есть в одной могиле — каменном ящике и серп, и топор, и копье, и меч, или копье и серп, или копье и меч и т. д. Харакс посмотрю тоже. Я поэтому и привел более широкий круг аналогий и Восточную Пруссию и Готланд. Пока не появятся закрытые комплексы Южной Норвегии, которые сопоставимы по всем признакам, мне кажется, нужно приводить более широкий круг аналогий, тем паче, что на Готланде есть и грунтовые кремации в каменном ящике с оружием, но, увы, без серпов. В Пруссии есть погребения т/с с каменными выкладками, где есть и топоры, и серпы, и копья, и мечи. И то, и другое — не совсем точные аналогии, но это пока лишь один из возможных путей поиска более точных аналогий.

Олег Шаров

18 декабря 2010, 14:29

Норвеги мне обещали прислать всю лит-ру по римскому времени, там, где каменные ящики в Южной Норвегии, но, увы, пока не шлют.

Я оставляю, конечно, эту точку зрения как основную, но предлагаю продолжать поиски, тем более, что у меня все воинские погребения в каменных ящиках сдвинулись сильно к середине — второй половине IV в.

Олег Шаров

18 декабря 2010, 16:01

Дело в том, что погр. 2 датируется фазой С3/D1, погр. 3 — фазой С3, погр. 12 датируется фазой D по Годловскому, уже не могу по Тейралу дать, погр. 55 — не раньше рубежа С2–С3, скорее С3. Таким образом, все сдвигается с эпохи тетрархов до позднего Константина — Констанция и Валента как минимум. Все эти комплексы имеют в своем обряде и инвентаре отчетливые скандинавско-прибалтийские связи. При этом есть на северном некрополе и ранняя группа пришельцев с вельбаркской лепной керамикой, с пшеворским обрядом — погребение 20 и с ранним пшевоским копьем фазы С1, с прибалтийскими вайнанами, с фибулой прибалтийской, которые все можно отнести еще к периодам С1–С2. Они основали могильник около середины III в., а уже потом появились новые переселенцы, которые хоронили в каменных ящиках и с оружием спустя 40–60 лет как минимум. Это была, несомненно, элита, отдельные — некрополь Южный, где представлены основные погребения в каменных ящиках. На северном некрополе также выделяется отдельный участок, где хоронили только воинов в каменных ящиках. Причем хоронили на участке, где был похоронен еще воин из погр. 20, единственное погребение с оружием из ранней группы.

Семинар «Хронограф»

17 января 2011 г.

Юрий Шевченко

15 января 2011, 15:14.

Христианские пещерные храмы Северного Причерноморья времен державы Германариха

В 2009 г. в Крыму (Чилтер-коба) были обнаружены два литургических устройства, каждое из которых составляло единство престола и жертвенника: в скальном храме (рис. 1) и под скальным навесом у купели. Оба престола древнего типа (литургических устройств) датированы не позже первой четверти IV в. н. э. (Шевченко 2010: 94–117). Время создания этих литургических устройств от-

носиться к периоду первых готских походов 264 и 275 гг., совершенных готами в Малую Азию через Боспор, то есть — с территории Таврики (Шукин 2005: 326—492). Очевидно, установка этих престолов связана с приведенными из Каппадокии в Тавриду пленниками-христианами, среди которых были дед и бабушка будущего епископа Готии — Ульфилы. Эти литургические устройства не могли иметь своим «протографом» Гроб Господень («лавицу» Воскресения Христова): он был найден спустя минимум полвека, после обустройства Ай-Тодорских престолов в Крыму.

Неподалеку от местечка Сатанов над Збручем, притоком Днестра (Городокского района Хмельницкой обл.), на склоне Слепого оврага (заповедник «Медоборы») у с. Крутилов, в окружении памятников III—VII вв., расположен Троицкий пещерный скит. В стенах скита оборудованы лежанки, схожие с нишами-аркасолиями. Наряду с престолами-выступами древнего типа, в первом пещерном храме сохранились «сопрестолия», аналогичные первохристианским, существовавшим до VII в. в Египте, и происходящие от подобного элемента в храмах («монастирионах») эссенов (есеев) (Шевченко 2008: 458—462). «Сопрестолия» такого типа не были предназначены для сидения, а существовали для коленопреклонения перед ними в позе молитвы.

Наиболее сохранившийся престол в помещении другого малого храма (рис. 2) пещерного скита в Сатанове составлен из двух подтесанных плит, на выступе в нише алтарной стены, и тщательно к этой же стене подогнанных. В горизонтальной полке ниши в алтарной стене высечены два почти квадратных углубления: от углубления слева, возможно, являющегося прообразом жертвенника, к краю престольного камня пробит сливной желоб. Углубление справа — объемнее, выполнено как подквадратная чаша со скругленными углами, высеченная в нижней полке углубленной в стену ниши, и примыкающая к вставной плите. Это единое литургическое устройство (престол + жертвенник), имеющее аналогии: в «Пещере Апокалипсиса» на Патмосе второй половины II—III вв.; в «Храме Младенцев» в Вифлееме IV—V вв. (рис. 3). Престол в этом малом храме пещерного скита у Сатанова аналогичен литургическим устройствам Чилтер-кобы, и его следует считать наиболее ранним в Поднестровье, устроенным до или к началу IV в.

Почти полной — и древнейшей — аналогией престолу Чилтер-Кобинского храма в Тавриде и Сатановского в Поднестровье (над

Збручем) представляется такой же объект в пещере на острове Патмосе (рис. 4), принадлежавшей ап. Иоанну Богослову (Дмитриевский 1892: 326—492). Эта знаменитая «пещера Апокалипсиса», к которой уже при жизни свт. Ириней Лионского (130—202 гг.), бывшего учеником ученика Иоанна Богослова (свт. Поликарпа Смирнского, +155 г.), относились как храму (Фаррар 1891: 62—83; Аверинцев 1991: 549—551). Престол, занявший уступ или нишу в апсиде, бывший в 81—96 гг. I в. н. э. «сидением Апостола», сформирован для «пролива» по нему жидкости (рис. 4: 1), а «жертвенник», тоже имеющий чашеобразное углубление (рис. 4: 2), расположен в непосредственной близости от престола (Thelma 1990: Neg. 7.389), составляя с ним единство самого литургического объекта, как в храмовой пещере Чилтер-Кобы и в пещерном храме Сатанова. «Проливные устройства», аналогичные патмосским, также имеются в престолах Чилтер-кобы и Сатановского пещерного скита.

Прототипом древнейших храмовых престолов всегда считалась «лавица» в пещере Воскресения (Кирилл 1980: 321) в Иерусалимском Анастасисе (храме Гроба Господня), но эта святыня была открыта лишь в 326 г. и отстроена к 337 г., более полвека спустя после появления упомянутых первохристианских храмов, в том числе — в крымской Чилтер-кобе. Но самое первое письменное свидетельство о древнейшем христианском храме относится к 201 г. (разрушение христианского храма наводнением в Эфесе) (Алымов 2005: 14—32), а в 202 г. также в храме вместе с прихожанами гибнет святитель Ириней Лионский. Прототипом литургических устройств в подобных храмах могла быть только «Гробница Богородицы» в Иерусалимской Гефсимании. Вопреки мнениям археологов о невозможности датировать это сооружение ранее времени Константина и Елены (вторая четверть IV в.) (Беляев 2000: 43—44), существует «филологическая традиция», по которой место погребения Девы Марии было известно с середины II в. н. э.

Богородица была положена хоть и неподалеку от захоронений своей родни (родителей — праведных Иоакима и Анны, и мужа — Иосифа Обручника), но в «новом гробе», как это передано апокрифом Протоевангелия — «Книгой Иакова» (Свенцицкая 1996: 124—125, 129—145). Именно это «особое помещение» и застал опустевшим ап. Дидим Иуда Фома, опоздавший на погребение Марии на три дня. Древнейшая версия Протоевангелия от Иакова содержится в папирусе Бодмера

(находка в Египте, 1958 г.), и датируется временем от середины II в. по Р.Х., а Ориген на рубеже II—III вв. излагает по этому источнику свои сведения о Богородице (Свенцицкая 1996: 106).

Несмотря на поврежденность поверхности «лавицы» Богородицы при выемки камней-реликвий, ее наклонная плоскость (от востока к западу) и изначальное существование двух крупных углублений в ее поверхности (рис. 5) свидетельствуют о наличии и здесь «проливной системы», предназначенной для пролива жидкости (например, в процессе литургии: при преосуществлении вина в Кровь Христа). Возможно, изначальное появление подобных «проливных систем» на поверхностях погребальных «лежанок» утилитарно и связано с естественным стоком жидкостей мертвого тела, как это, возможно, имелось на погребальной поверхности (рис. 6) в аркасолии раннеримского склепа у крепости Корикос (Киз-Келисе) в Мерсине (Турция). И лишь наличие подобной атрибутики на «лавице» Богородицы спровоцировало ее появление на самых ранних литургических устройствах (престолах) первохристиан.

Литература

- Аверинцев С. С. 1991. Иоанн Богослов. В: Токарев С. А. и др. (ред.). *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 1 (А-К). Москва.
- Алымов В. А. 2005. Лекции по Исторической Литургике. Санкт-Петербург: Нева.
- Беляев Л. А. 2000. *Христианские древности. Введение в сравнительное изучение*. Сер. «Византийская библиотека». 2-е стереотипное изд. Санкт-Петербург.
- Дмитриевский А. 1892. Иоанно-Богословский монастырь на о. Патмос по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами. *Труды Киевской Духовной Академии*. №11. Киев.
- [Кирилл Туровской]. 1980. Святого Кирилла монаха слово о снятии Тела Христова с креста и о мирносицах на тему евангельскую, и похвала Иосифу Аримафейскому в неделю третью по Пасхе. Подгот. текста, перевод и коммент. В. В. Колесова. В: Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С. (общ. ред.). *Памятники литературы Древней Руси. XII век*. Москва.
- Свенцицкая И. 1996. *Апокрифические евангелия. Исследования, тексты, комментарии*. Москва.
- Фаррар Ф. В. 1891. *Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви*. Т. I. Санкт-Петербург.
- Шевченко Ю. Ю. 2008. Планиметрия восточнохристианского пещерного храма раннесредневековой Восточной Европы (VII—XII вв.). В: Деревянко А. П., Макаров Н. А. (отв. ред.). *Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического Съезда в Суздале 2008 г.* Том II. Москва: ИА РАН: Наука, 458—462.
- Шевченко Ю. Ю. 2010. О времени возможного возникновения пещерного монастыря Чилтер-Коба в Крыму. В: Федорова Е. Г. (отв. ред.). *Материалы полевых исследований МАЭ РАН*. Вып. 10. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 94—117.
- Щукин М. Б. 2005. Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). Санкт-Петербург.
- Thelma K. Thomas. 1990. *Dangerous Archaeology: Francis Willey Kelsey and Armenia (1919—1920). Francis Kelsey's Expedition and Armenia (1919—1920): an exhibition presented at the Kelsey Museum of Ancient and Mediaeval Archaeology. September 1990 — February 1991*. Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan.

Олег Шаров

17 января 2011, 0:03

Юра, все очень интересно, но все же не все ясно мне, несведущему в литургии ранних христиан. Как она очень четко отличалась по пунктам от литургии поздней и как изменились литургические устройства в V—VI вв. в храмах? По деталям — было то, стало то или ушло то, появилось другое... Почему такие четкие основания датировок, ведь могла какая-то община в храме служить по старым канонам и, соответственно, долго могла существовать и раннехристианская традиция в глухих местах, вспомни староверов и т. д. Помимо устройства храмов — они дают дату post quem, но не всегда ante quem, — должны быть находки, которые найдены в закрытых комплексах, относятся точно к этому храму и связаны с данными литургическими устройствами, причем в твоём случае важнее даже не ранняя вещь, а самая поздняя, и ранняя не обязательно будет говорить о дате строительства.

Юрий Шевченко

17 января 2011, 1:00

Пример со староверами как раз и показывает перемены в литургической практике нагляднее всего: у них принято все, как в 1823—37 гг., после Белокрыницкого соглашения — у «поповцев»; и абсолютно новые формы литургической обрядности, в каждом случае свои (в силу территориальной разобщенности и несвязанности друг с другом) — у беспоповцев...

У меня речь идет о Единой Церкви... И даже у «отпавших» монофизитов, например, литургическая обрядность меняется (и с той же скоростью), что и в Единой Церкви, а то и быстрее.

«Дедлайн» есть пока только один: 692 г. (и то, его приход на разных территориях, видимо, несколько разнился: но к началу периода иконоборчества — т. е. в полстолетия — он свершился всюду).

Все прочие перемены (до 692 г.) и являются предметом изучения, кусочек которого и предлагается...

Семинар «Хронограф» 21 февраля 2011 г.

Екатерина Лурье
20 февраля 2011, 1:16

Классификация шлемов европейского и азиатского Барбарикума римского времени

На территории Евразии в римское время и в эпоху переселения народов (I—V вв. н. э.) широкое распространение получили шлемы с составным куполом, пришедшие на смену цельнокованым и литым шлемам эпохи гальштата и латена. При этом в римской армии цельнокованные шлемы, восходящие к кельтским прототипам, использовались вплоть до середины III века н. э.

Купола рассматриваемых шлемов состоят из двух и более частей: из каркаса и различных вариантов облицовки, из длинных вертикальных или горизонтальных пластин, из двух полусферических кованых половинок или нескольких крупных сегментов, склепанных внахлест, или же из чешуек. Части крепятся друг к другу с помощью заклепок или ремешков.

Классификация шлемов европейского Барбарикума

Совершим краткий историографический обзор основных работ, посвященных классификациям шлемов с составным куполом европейского и азиатского Барбарикума римского времени и эпохи переселения народов.

Первая попытка определить основные ступени развития шлемов с составным куполом была предпринята в работе М. Эберта 1909 г. (Ebert 1909b: 164). К первой ступени развития составных шлемов немецкий исследователь отнес четырехчастные конические шлемы — известные по изобразительным памятникам Керчи (фрески и надгробия), а также по южнорусским находкам. Ко второй — шлемы с четырьмя дугами, с плоским навершием, с ободом и нащечниками (керченские фрески и шлем из Египта). Третья ступень, по М. Эберту, объединяет шлемы с фигурными дугами, т.н. «сасанидские». И, наконец, четвертая ступень развития шлемов включает в себя шлемы с четырьмя или шестью дугами, с навершием, ободом и нащечниками. Дути данных шлемов имеют «крылообразное» расширение. Вероятно, речь идет о каркасных шлемах типа Бальденхайм.

М. И. Ростовцев в своей работе «Античная декоративная живопись на юге России» приводит подробное описание трех сцен с изображением боя из керченских склепов и, в числе прочих мотивов, разбирает шлемы и сравнивает их с изображениями на других памятниках римского времени: на керченских надгробиях, на колонне Траяна в Риме, на арке Галерия в Салониках, а также на монетах (Ростовцев 1914: 234—240, 305—352).

Хотя на всех трех фресках, очевидно, представлен один и тот же тип шлема, манера их изображения достаточно сильно отличается. На фреске из склепа, открытого А. Б. Ашиком в 1841 г., на всадниках высокие конические шлемы, тульи которых составлены из узких вертикальных пластин; поперечные ребра изображены лишь в одном случае. Впрочем, точность их прорисовки на фреске вызывала сомнения еще у М. И. Ростовцева (Ростовцев 1914: табл. LXXXVIII). На фресках из склепа 1872 г. (более известного как «Стасовский склеп») представлены невысокие конические шлемы с выделенной широкой полосой каркаса по сагиттальной линии и поперечными ребрами (Ростовцев 1914: табл. LXXIX, LXXXI). На всаднике с росписи южной стены того же склепа изображен шлем, по форме приближающийся к сфероконическим, с выделенной линией каркаса, с обеих сторон окантованной черточками (заклепки?) и без поперечных ребер (Ростовцев 1914: табл. LXXVIII). Шлемы с фресок склепа 1873 г. имеют коническую форму, их купол размечен точками (возможно, заклепки?) (Ростовцев 1914: табл. LXIV).

М. И. Ростовцев отмечал, что «шлемы с ребрами» были в ходу как у жителей Боспорского царства, так и у их врагов-кочевников, причем первые (боспоряне) переняли их у последних, что вполне логично в рамках общей «сарматизации» военного дела на Боспоре. Это позволило ему выделить особый боспорский тип решетчатого шлема. Исследователь отмечал также сходство (возможно, генетическое) «сарматских» и «боспорских» шлемов и «так называемых ребристых шлемов Западной Европы» — «при несомненных, однако, отличиях» (Ростовцев 1914: 339).

Следующий этап исследования шлемов с составным куполом связан с именем русского исследователя В. В. Арендта, который предложил свою классификацию «первой ступени развития каркасных шлемов», датирующейся римским временем (Arendt 1935: 32).

В нее вошли экземпляры, имеющие следующие признаки: а) укрепленные несколькими поперечными ободами (изображения

на колонне Траяна и на фресках из керченских склепов);

б) состоящие из многих ребер;

с) с четырьмя или шестью дугами и железными сегментами, с надбровьями и наносником или без них, скрепленные при помощи заклепок или проволоки (шлемы из Керчи — Arendt 1932: 49, Abb. 2a—b), шлем из Лейдена (Египет), который он считал сарматским, и т. д.).

При этом «шлемы с поперечными ободами» (группа а) могут как иметь «ребра жесткости» (группы б, с) (шлемы «катафрактариюв» на колонне Траяна), так и не иметь их. В классификации В.В. Арендта основным типобразующим признаком выступает конструкция купола.

Важным вкладом в вопросы изучения каркасных шлемов являются работы немецкого археолога Ганса Клумбаха, под редакцией которого был опубликован каталог всех известных к 1973 г. позднеимских шлемов (*Spätromische Gardehelme* 1973). Классификация шлемов в его работе проведена исключительно по внешним морфологическим признакам. В качестве важного признака для каркасных шлемов позднеимского времени Г. Клумбах считал форму нащечников. Шлемы с более тяжелыми нащечниками, закрывавшими часть лица, он считал «всадническими», а шлемы с более легкими нащечниками исследователь связывал с пехотными подразделениями. Вторым признаком для разделения каркасных шлемов он считал отсутствие или наличие внешнего обода; третьим признаком — характер декора шлема (есть декоративные накладки и украшения в виде имитации драгоценных камней или нет).

Английский исследователь С. Джеймс в своих работах не рассматривает позднеимские шлемы с крестовым каркасом вообще как каркасные. По его мнению, позднеимские шлемы подразделяются на два типа: имеющие цельные полушария и имеющие полушария, «выполненные из трех пластин» (James 1983: 111—112). Единственным исключением английский исследователь считает шлем из Концешт, имеющий внутренний крестовой каркас.

Из работ последнего времени следует упомянуть монографию Д. Глада. Французский исследователь делит шлемы римского времени на три категории: шлемы с гребнем, ламеллярные (под этим термином понимаются как пластинчатые, так и чешуйчатые экземпляры, что, в принципе, характерно для западной историографии) и «шлемы из угольников» (каркасные шлемы) (Glad 2009: Fig. 13—15). Первая и вторая категории подразделяют-

ся на типы, названные по наиболее ярким экземплярам среди аналогичных внешне вещей (Glad 2009: Fig. 1, 7, 8).

А.М. Хазанов в монографии 1971 г. предложил типологию всех известных ему сарматских шлемов. Он разделил их на три типа:

1) конический с горизонтальным делением (т.н. «шлем, описанный Э. Ленцем», найденный в окрестностях станицы Тифлисской; Э.Э. Ленц проводил аналогию между данным экземпляром и шлемами из Истяцкого клада (Ленц 1902: 120—131);

2) известные по изображениям и фрагментам каркасные шлемы;

3) наборный шлем из «длинных узких вертикальных пластин», хранящийся в ГИМе (Хазанов 2008: 141—144).

В начале 1990-х гг. А.А. Сазоновым были опубликованы новые находки каркасных шлемов, происходящие из могильника у хутора Городской (Адыгея) (Сазонов 1992; Сазонов, Спасовский, Сахтарьек, Тов 1995). Во всаднических погребениях вместе с прочим наступательным и защитным вооружением были найдены 8 железных шлемов. А.А. Сазонов отнес их «к одному типу, содержащему два варианта».

Вариант «а» характеризуется закругленным верхом. К нему относится хорошо сохранившийся шлем из погр. 6, собранный из четырех основных вертикальных ребер и горизонтальных полос железа, заполняющих расстояние между ними (видимо, одна из них исполняет роль венца — к сожалению, описание этой находки не настолько подробно), и полусферического навершия, замыкающего конструкцию. Вместе со шлемом сохранились остатки чешуйчатой бармицы. Шлем из погребения 4, также отнесенный А.А. Сазоновым к этому варианту, сохранился лишь во фрагментах (Сазонов 1992: 248, рис. 5, 7). Вариант «б» предполагает большую высоту шлема. Навершие имеет выраженную конусовидную форму, сегменты между четырьмя основными дугами лишь на половину закрыты широким ободом. По верхнему краю обода-тульи идут заклепки, однако неизвестно, присутствует ли внутренний каркас (Сазонов 1992: 248—249).

А.В. Симоненко в послесловии ко второму изданию монографии А.М. Хазанова 1971 г. предложил «обобщенную классификацию местных шлемов», типы в которой «выделены по форме тульи и некоторым конструктивным особенностям» (Симоненко 2008: 269).

Первый тип — это «шлемы с полусферической тульей», склепанной из двух половин (т.н. «закубанская серия» по В.Р. Эрлиху — см. Эрлих 1996: 176—179; Кожухов 1999).

Второй тип — «шлемы со сплошной конической тульей» и третий тип — «каркасные шлемы». К последнему типу украинский исследователь отнес шлемы, найденные в могильнике у хут. Городской, а также ажурный шлем из погр. 6 у станицы Тбилисской. А.В. Симоненко отмечает, что шлемы из погр. 4 и 6 у хутора Городской «представляют собой едва ли не самые ранние образцы «Spangenhelme» (Симоненко 2008: 270).

*Классификации шлемов
Азиатского Барбарикума
и Прикамыя. Универсальные
классификации*

Значительно расширили теоретическую базу и практику изучения шлемов работы М.В. Горелика. В статье, посвященной кушанскому доспеху, исследователь выделяет девять типов шлемов.

Первый — сходен с кубанскими шлемами, однако не литой, а клепанный. Он характеризуется низким куполом, широкой наклепанной полосой с гребнем и тем, что «по краю шлема, перекрывая полосу с гребнем, прикреплен неширокий металлический рант» (Горелик 1982: 100). Среди примеров — скульптура Халчаяна и терракота из Британского музея.

Второй тип «объединяет шлемы конической формы» (Горелик 1982: 100). В эту категорию, по М.В. Горелику, попадают как каркасные шлемы с жесткой основой из металлических полос и металлическими или кожаными сегментами, заполняющими пустоты, так и «клепанные из нескольких кусков металла», которые, возможно, импортировались в Западную Сибирь и известны по находкам, например, из Истяцкого клада.

К третьему типу М.В. Горелик относил широкие венцы «с треугольным выступом наверху спереди и с наушами». Подобные венцы, сделанные из кожи или войлока и обшитые металлической чешуей (иногда — усиленные узкими вертикальными пластинами), известны по изображениям на кушанских монетах, хуннских рельефах, сяньбийских статуэтках. Аналогичный венец из войлока был найден в хуннском погребении вождя — кургане 6 из Ноин-улы (Горелик 1982: 102).

Четвертый тип представляет собой двусоставные клепанные шлемы с продольным каркасом и полусферическим куполом, близкие к европейским шлемам типа «Bandhelm».

Пятый тип включает наборные, или ламинарные, шлемы, тулья которых состоит из суживающихся сверху вертикальных пластин, закрепленных при помощи ранта и наверхия.

Для этого типа, помимо изображений, известны и археологические находки — например, железный шлем из Шейхан-Дхари, Чорсада (Горелик 1982: 102—103).

Названные типы, как отмечает М.В. Горелик, имеют восточное происхождение, остальные же четыре типа связаны с античным миром.

Прототипами шестого типа шлемов исследователь считает «беотийские» шлемы с полями, однако отмечает своеобразие кушанского варианта — «ступенчатая форма купола», «изготовление его из четырех склепанных пластин металла» (Горелик 1982: 104). В качестве прототипов седьмого типа М.В. Горелик называет шлемы «аттического» типа. Однако данные шлемы лишены средств дополнительной защиты, свойственных греческим оригиналам. Происхождение шлемов восьмого типа связано со шлемами «фракийского», или «юногреческого», типа. Внутри данного типа по форме купола исследователь выделяет две разновидности: «полусферическую и яйцеобразную, немного сплюснутую с боков и в виде “фригийского колпака” — с вытянутой макушкой, загнутой вперед» (Горелик 1982: 104).

Девятый тип имеет «смешанные признаки» — полусферическую форму, античным шлемам не свойственную, и оформление вальютами (Горелик 1982: 104).

В другой работе, вышедшей под заглавием «Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э.», М.В. Горелик выделил пять типов шлемов, бытовавших в степной зоне Евразии в I—V вв.

К типу I он относит «бронированные венцы», восходящие к «одному из типов хуннских головных уборов».

Тип II объединяет шлемы, купол которых состоит из пластин, «соединенных между собой заклепками, ремешками, ободами» (Горелик 1993: 161). Исследователь делит их на четыре разновидности в зависимости от формы купола: 1-я разновидность — коническая тулья, 2-я — яйцевидная, 3-я — полусферическая, 4-я разновидность соответствует сфероконической тулье-куполу (с изгибом) (Горелик 1993: 161—165).

К типу III шлемов по М.В. Горелику относятся шлемы, основой которых является «каркас из обода-венца, наверхия и полос железа... Промежутки... заполняются крупными кусками металла или органики». Каркасные шлемы он делит на две разновидности: «Bandhelm», каркас которых состоит из одной полосы, и «Spangenhelm» с двумя перекрещивающимися или четырьмя зам-

кнутыми наверху полосами. К этому же типу он относит шлемы «с каркасом, состоящим из множества “арочек”» (т.е. шлем из погр. 6 у станицы Тбилисской и аналогичные ему прикамские шлемы). Это представляется правомерным, так как у данных шлемов имеется четырех- или шестилучевой каркас, однако, облицовка шлема более напоминает конструкцию купола пластинчатых шлемов (тип II по М.В. Горелику) (Горелик 1993: 165).

Тип IV включает в себя шлемы с цельным куполом, которые «в рассматриваемый период встречаются крайне редко».

Тип V представлен «мягкими» чешуйчатыми (ламеллярными) шлемами.

Не подлежит сомнению, что работы М.В. Горелика подняли вопросы изучения варварских шлемов римского времени на качественно новый уровень. Он впервые последовательно применил в качестве основания деления для выявления типов такой признак, как конструкцию купола. Подтипы — разновидности — выделяются по форме купола/форме каркаса. Однако использование данной классификации осложняется расплывчатостью терминологии (вряд ли без рисунка можно понять, чем яйцевидная тулья отличается от сфероконической), а также привлечением на равных основаниях как археологических находок, так и памятников изобразительного искусства.

Р.Д. Голдина и С.Р. Волков в своей статье, посвященной шлемам Тарасовского могильника, делят 18 известных к 2000 г. шлемов, происходящих из Среднего Прикамья и бассейна Вятки, на три группы: «решетчатые», «клепаные» и «сварные». К первым относятся ажурные шлемы (например, из погр. 27 Суворовского могильника), ко вторым — каркасные (например, шлем из погр. 6 Тарасовского могильника), а в третьей (наиболее распространенной) «объединены как изделия из одной цельнокованой пластины, так и сваренные из узких вертикальных пластин» (Голдина, Волков 2000: 100). В большинстве случаев степень сохранности материала не позволяет определить степень сохранности купола точнее.

Системную классификацию шлемов, основанную на алтайских материалах эпохи великого переселения народов и средневековья, предложил в своей монографии В.В. Горбунов. Он выделил шесть уровней, которые определяются следующими признаками: 1 уровень — группа — по материалу изготовления; 2 уровень — разряд — по материалу бронирования; 3 уровень — раздел — по принципу крепления составляющих

шлема; 4 уровень — отдел — по «структуре набора» купола; 5 уровень — тип — по форме купола и навершия шлема; 6 уровень — вариант — по «структуре бармицы» и украшениям шлема (Горбунов 2003: 66—67).

С помощью данной системы В.В. Горбунов классифицировал 38 изображений и 5 археологических находок шлемов — 2 целых и 3 фрагментарных (Горбунов 2003: 66). Исследователем были выделены одна группа и один разряд, два раздела — ламеллярные шлемы и клепанные (т.е. имеющие «мягкое» и жесткое крепление; четыре отдела — узкопластинчатые ламеллярные, узкопластинчатые клепанные, секторные клепанные и «каркасно-секторные». Отделы распадаются на «12 типов, дополненных 16 вариантами» (Горбунов 2002: 67—68).

В статье, посвященной сяньбийскому доспеху, В.В. Горбунов также использует свой метод системного анализа доспеха (Горбунов 2005: 200). Исследователь применяет те же принципы классификации и токсонимии. Однако, в отличие от ситуации с алтайским защитным вооружением, известным, в основном, по изображениям, найдено около двух десятков сяньбийских шлемов. В.В. Горбунов делит их на два раздела: шлемы на ремennom креплении и клепанные. Среди раздела I он выделяет один отдел: узкопластинчатые шлемы, распадающийся на четыре типа: конические со сферическим навершием [единственный вариант а) — с ламеллярной бармицей «из двух полос» (рядов)]; сфероконический с полусферическим навершием (вариант а) с ламеллярной бармицей из трех полос); сферический с плоским навершием (вариант а) с ламеллярной бармицей из трех полос); конусовидный венец без навершия (вариант а) с ламеллярной бармицей из четырех полос). Второй раздел включает в себя один отдел — секторные, состоящий из одного типа — сферические со сферическим навершием. Купол состоит из четырех секторов, ламеллярная бармица имеет три ряда (что определяет наличие единственного варианта а)). Известно 11 экземпляров шлемов данного типа, происходящих из крепости Лим Чан, а также изображения на статуэтках воинов династий Северная Вэй и Северная Ци (Горбунов 2005: 214—215).

Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков выделяют 6 типов шлемов, «стоящих на вооружении» сяньбийских государств Северного Китая IV—VI вв. н. э.: «панцирные “венцы”»; «шлемы из узких пластин с ремennым соединением» (например, шлемы из могильника Лаохэшэнь); ламеллярные шлемы [известны

северокитайские изображения и остатки подобного шлема, происходящие из памятника Троицкий Елбан-1 (Лесостепной Алтай)]; каркасные и клепаные шлемы, которые исследователи вслед за М.В. Гореликом делают на «бандхельм» и «шпангенхельм». Для Северного Китая рассматриваемого времени известны только по изображениям. С оговорками в этом же разделе сибирские археологи рассматривают и «наголовья, составленные из крупных пластин» и скрепленные при помощи заклепок. Для сегментных шлемов исследователи выделяют три основных формы: цилиндрическую, полусферическую и яйцевидную. Пятый тип северокитайских шлемов сяньбийской эпохи представляют собой шлемы с цельной тульей конической и сфероконической формы, известные только по изображениям. Шестой тип включает в себя «мягкие» шлемы, сшитые из органических материалов (Бобров, Худяков 2005: 134—144).

Типология варварских шлемов римского времени была дана также в работе Т.М. Кармова (Кармов 2009). Исследователь выделяет 4 типа шлемов:

1) «Классические “Spangenhelm”» с двумя подтипами, совпадающими с подтипами шлемов из могильника у хут. Городской, выделенными А.А. Сазоновым;

2) Ажурные каркасные шлемы;

3) «Шлем типа “истяцкого”» (т.е. с горизонтальным членением);

4) «Сяньбийский» тип (Кармов 2009: 69—70).

Вряд ли все перечисленные типы шлемов можно объединять под термином «Spangenhelm», как это делает автор статьи, однако типология Т.М. Кармова имеет важную особенность: его классификация построена исключительно на археологическом материале, изображения привлекаются в тексте статьи лишь в качестве аналогий археологическим находкам.

Итак, учитывая цельнокованные шлемы I—III вв. н. э., можно предварительно выделить девять основных типов шлемов, использовавшихся в римское время и в эпоху переселения народов в качестве деталей защитного снаряжения (табл. 1):

I. Цельнокованные шлемы — типы Weisenau, Niederbieber, Niedermörmter (I в. до н. э. — первая четверть III в. н. э.) (табл. 1, 1, 2).

II. Каркасные шлемы с продольным каркасом (состоящим из одной продольной дуги и — опционально — обода), объем купола сформирован из двух кованых половинок (тип «Bandhelm»).

1. Сфероконические

– Т-образный наносник

– Кольчужная бармица

• Тип «Дура-Европос»

2. Полусферические

– Наносника нет

– Назатыльник и нащечники крепятся при помощи органических материалов

• Тип «Интерциза»

– Т-образный наносник

– Более тяжелые нащечники; нащечники и назатыльник крепятся при помощи органических материалов

• Тип «Беркасово 2»

III. Каркасные шлемы с крестовым каркасом, состоящие из нескольких вертикальных дуг (2—6) и горизонтального обода, к которым также крепятся защитные металлические сегменты различной формы (тип «Spangenhelm»). К этому типу относятся, во-первых, шлемы с внутренним или внешним крестовым каркасом, состоящим из двух перекрещивающихся в центре или четырех замкнутых в центре дуг (в качестве примеров можно назвать шлемы из Египта (табл. 1, 6), Беркасово 1 (табл. 1, 7), Концешт (табл. 1, 8), погр. 6 Тарасовского могильника (табл. 1, 9) и т. д.), во-вторых, шлемы с шестилучевым каркасом (шлем из Дер-эль-Медина и шлемы типа Бальденхайм).

1. Полусферические

– Т-образный наносник

– Массивные нащечники, назатыльник крепятся при помощи органических материалов

• Тип «Беркасово 1»

– Нащечники крепятся при помощи шарниров

• Тип «Тарасовский 6»

2. Сфероконические

– Нащечники крепятся при помощи органических материалов

• Тип «Концешты»

3. Сфероконические с шестилучевым каркасом

– Т-образный наносник

– Массивные нащечники крепятся при помощи шарниров

– Назатыльник

• Тип «Дер-эль-Медина»

(Подобные изображения есть на колонне Траяна)

– Наносник отсутствует

– Нащечники крепятся при помощи шарниров

– Назатыльник и бармица отсутствуют

• Тип «Бальденхайм»

– Наносник отсутствует

– Нащечники крепятся при помощи шарниров

- Кольчужная бармица
- Тип «Моркен»
- Наносник выкован из обода
- Нащечники
- Защита шеи отсутствует
- Тип «Тарасовский 782»
- 4. *Сфероконические, уплощенные с боков*
- Средства дополнительной защиты отсутствуют

- Североиранский тип
- 5. *Конические*
- Без наносника
- С ламеллярной бармицей
- С нащечниками
- Тип, известный по изображения на колонне Траяна
- Без наносника
- С ламеллярной бармицей
- Без нащечников
- Городской 6

IV. Каркасные шлемы смешанной конструкции из вертикальных дуг и горизонтальных колец, к которым крепятся защитные пластины. К данному типу относится ряд шлемов из могильника у хутора Городской (табл. 1, 10, 11), а также шлемы, известные по изображениям на колонне Траяна, на граффито из Дура-Европос и фресках из керчинских склепов.

1. *Конические высокие*
- Бармица?
- Дура-Европос, Городской 10
2. *Полусферические*
- Без средств дополнительной защиты
- «Чешуйчатые катафрактарии» на колонне Траяна

V. Каркасно-ламинарные шлемы отличаются от шлемов предыдущего типа тем, что промежутки между дугами каркаса в них заполнены не сплошными сегментами, а узкими вертикальными (прямыми, Y-образными или фигурными) пластинами. Шлемы подобного типа могут быть как полностью ажурными (шлем из погр. 6 у ст. Тбилисской (табл. 1, 12), из погр. 80 Нивского могильника и из погр. 27 Суворовского могильника (табл. 1, 14)), так и иметь лишь ажурную розетку в качестве наверхия (шлем из погр. у с. Кишпек (табл. 1, 13)).

1. *Полусферические*
- Бармица из органики с основой из цепочек?
- Налобная пластина + небольшой наносник
- Тип «Кишпек»
- Бармица из органики с основой из цепочек?

– Другие средства доп. защиты отсутствуют

- Тип «Тбилисская 6»
- Без средств доп. защиты
- Тип «Нивский 80»

2. *Конические*

- Без средств дополнительной защиты
- Тип «Городской 1»

VI. Ламинарные, или пластинчатые, шлемы, состоящие из узких и длинных вертикальных пластинок, закрепленных снизу при помощи обода и сверху — при помощи плоского или полусферического наверхия. Различают два способа крепления пластин между собой: жесткий — при помощи заклепок, и «мягкий» (ламеллярный) — при помощи кожаных ремешков или проволоки. В отличие от предыдущего типа шлемов, ламинарные шлемы не имеют вертикальной несущей конструкции. К данной категории относятся саянбийские шлемы из мог. Лаохэшэнь (табл. 1, 15), шлемы из Керчи, с Ильичевского городища, из могильника Тюм-Тюм (табл. 1, 16), из могильника Калкни (табл. 1, 17) и др.

1. *Сфероконические*

- С ламеллярной бармицей
- Тип «Лаохэшэнь»

2. *Сфероконические с изгибом тульи*

- С наушами
- Кольчужная бармица
- Тип «Калкни»
- Налобная пластина + небольшой наносник
- Тип «Ильичевское городище»
- Налобная пластина + небольшой наносник

– Нащечники

- Тип «Керчь»

3. *«Венцы»*

- С ламеллярной бармицей
- Тип «Лим Чан»
- Без средств доп. защиты
- Кушанские изображения

VII. Ламеллярные шлемы, состоящие из нескольких рядов маленьких чешуек, скрепленных между собой при помощи ремешков. В качестве примера можно привести шлем из могильника Троицкий Елбан-1 (Лесостепной Алтай) (табл. 1: 18).

1. *Конические*

- С ламеллярной бармицей
- Тип «Троицкий Елбан-1»

2. *Полусферические (?)*

IX. Сегментные шлемы

1. *Сфероконические*
- С ламеллярной бармицей

• Тип «Лим Чан»

VIII. Шлемы с горизонтальным членением купола, когда сплошные металлические кольца и полусферическое навершие скрепляются при помощи колец изнутри. Например, шлем из станицы Тбилисской, описанный Э.Э. Ленцем, аналогичный шлемам из Истяцкого клада (табл. 1: 19).

1. Конические

– С наносником

• Истяцкий тип

Итого можно предварительно выделить 26 типов.

Создание классификации шлемов римского времени является необходимым условием для изучения генезиса и хронологии защитного вооружения данного периода, но подробное изложение всех результатов нашей работы выходит за рамки данной статьи.

Литература

- Arendt W. 1932. Beiträge zur Entstehung des spangenharnisches. Ein Altürkischer Waffenfund aus Kertsch. *Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*. B. IV. H. 3, 49—55.
- Arendt W. 1935. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa. *Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*. Bd. 5. H. 3, 26—34.
- Ebert M. 1902. Die frömmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus. *Prähistorische Zeitschrift*. Bd. I. H. 2, 65—77.
- Ebert M. 1902. Ein Spangenhelm aus Ägypten. *Prähistorische Zeitschrift*. Bd. I. H. 2, 163—170.
- Glad D. 2009. *Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe — VIIIe s.)*. Oxford.
- Henning R. 1907. *Helm von Baldenheim. Helme des frühen Mittelalters*. Strassburg.
- Klumbach H., Braat W., Manojlović-Marijanski M., Skalon K., Thomas E. 1973. *Spätromische Gardehelme*. München.
- James S. 1986. Evidence from Dura Europos for the Origins of Late Roman Helmets. *Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie*. Paris.
- Бетров Р.Ж. 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек. *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*. Т. 3. Нальчик, 11—39.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. 2005. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV—VI вв. н. э. *Военное дело nomadov Центральной Азии в Сяньбийскую эпоху*. Новосибирск, 80—199.
- Голдина Р.Д., Волков С.Р. 2000. Шлемы Тарасовского могильника. *Уфимский археологический вестник*. Вып. 2. Уфа.
- Горбунов В.В. 2003. *Военное дело населения Алтая в III—XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех)*. Барнаул.
- Горбунов В.В. 2005. Сяньбийский доспех. *Военное дело nomadov Центральной Азии в Сяньбийскую эпоху*. Новосибирск, 200—223.
- Горелик М.В. 1993. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. В: Медведев В.Е., Худяков Ю.С. (отв. ред.). *Военное дело населения юга Сибири*

и Дальнего Востока. Новосибирск.

- Горелик М.В. 1982. Кушанский доспех. *Древняя Индия. Историко-культурные связи*. Москва, 82—112.
- Ждановский А.М. 1984. Подкуранные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры. *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар.
- Кармов Т.М. 2009. Позднеримские шлемы типа Spangenhelme. *Историко-археологический альманах*. Вып. 9, 69—73.
- Кожухов С.П. 1999. Закубанские катафрактарии. *Материальная культура Востока*. Москва.
- Ленц Э.Э. 1902. Описание оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области. *ИАК*. Вып. 4, 120—131.
- Ростовцев М.В. 1913—1914. *Античная декоративная живопись на юге России*. Санкт-Петербург.
- Сазонов А.А. 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп.
- Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского. *Археология Адыгеи*. Майкоп.
- Симоненко А.В. 2008. Тридцать пять лет спустя: послесловие-комментарий. В: Хазанов А.М. *Очерки военного дела сарматов*. Москва.
- Хазанов А.М. 1971 (2008). *Очерки военного дела сарматов*. Москва.
- Эрлих В.Р. 1996. Об одной группе шлемов из Закубанья. *Российская археология*. №3.

Николай Лифанов

20 февраля 2011, 7:00

Доклад заявлен как историографический, но в нем дается и авторская классификация шлемов. Это нарушает заявленную цель.

Не лучше ли вторую часть доклада (с подробным обоснованием собственных идей автора) выделить в отдельную работу?

Необходимо также ввести иерархию типологической схемы — один и тот же термин «тип» нельзя применять одновременно как к девяти «основным», так и включенным в них 26 «неосновным» (?) типам.

Даниил Костромичёв

20 февраля 2011, 9:32

В названии следует указать, что речь идет о шлемах Барбарикума. Иначе возникнет вопрос, почему здесь не рассматривается историография собственно римских шлемов, которые все скопом внесены в первый тип.

Юрий Ширин

20 февраля 2011, 10:30

В связи с отсутствием критики источников возможны следующие реплики:

а) По выделенному типу: VII. Ламеллярные шлемы, состоящие из нескольких рядов маленьких чешуек, скрепленных между собой при помощи ремешков. В качестве примера можно привести шлем из могильника

Троицкий Елбан-1 (Лесостепной Алтай) (табл. 1, 18).

1. Конические
- С ламеллярной бармицей
- Тип «Троицкий Елбан-1»

Хорошая идея о возможности такого шлема имеет слабые материальные основания. Сам могильник относится к комплексам V—VI вв.

б) По выделенному типу: VIII. Шлемы с горизонтальным членением купола, когда сплошные металлические кольца и полусферическое навершие скрепляются при помощи колец изнутри. Например, шлем из станции Тбилисской, описанный Э.Э. Ленцем, аналогичный шлемам из Истяцкого клада (табл. 1: 19).

1. Конические
- С наносником
- Истяцкий тип

У одного истяцкого шлема (без наносника) отмечены только кусочки полосок, усиливающих места склепывания. Шлем с наносником никаких колец не имеет, полосы склепаны внахлест.

Александр Васильев
20 февраля 2011, 19:55

Да, по датам горизонта Броды такое же ощущение.

Екатерина Лурье
20 февраля 2011, 21:16

Спасибо за уточнения и замечания!

Название осталось в качестве типологического рудимента от предыдущего варианта статьи. Сейчас исправлю.

Юрий Ширин
21 февраля 2011, 5:32

Большой раздел, посвященный развитию шлемов, есть в работе: Зыков А.П., Федорова Н.В. *Холмогорский клад. Комплекс древностей III—IV веков*. Екатеринбург, 2001.

Екатерина Лурье
21 февраля 2011, 10:38
Юрий, спасибо за ссылку.

Александр Васильев
21 февраля 2011, 12:05
А что за клад?

Андрей Негин
21 февраля 2011, 18:21

«Итак, учитывая цельнокованные шлемы I—III вв. н. э., можно предварительно выделить девять основных типов шлемов, ис-

пользовавшихся в римское время и в эпоху переселения народов»... А при чем тут римские «цельнокованные» шлемы, заявленные в тексте доклада и обозначенные на графической схеме? Зачем все смешивать в одну кучу? Ведь речь идет о составных шлемах... связи между ними нет никакой, и на это уже указывалось в обсуждении предыдущего доклада. Надо бы прислушиваться к замечаниям и советам или обосновывать непосредственную взаимосвязь «цельнокованных» римских шлемов типов Вайзенау, Нидербибер и Нидермормтер с составными шлемами Барбарикума (типологическую, конструктивную). Иначе все эти общественные обсуждения не имеют смысла.

Юрий Ширин
22 февраля 2011, 17:04

По Холмогорскому кладу выложил книжку: http://vkontakte.ru/topic-3884720_22066150?offset=la

Обсуждение доклада Е. В. Лурье «Классификация варварских шлемов римского времени» на семинаре 21 февраля 2011 г.

Присутствовали: О. В. Шаров, Ю. Шевченко, К. Чугунов, И. Бажан, А. Дроздова, В. Журавлев, П. Савченков.

Обсуждение коснулось, в первую очередь, методов классификации шлемов со сборным куполом. И. Бажан высказал пожелание увидеть корреляционные таблицы.

По поводу таксонов (в докладе — отчасти специально — не были предложены таксономические термины для каждой ступени деления) было высказано пожелание выделять типы на второй ступени деления. То есть получается такая иерархия признаков:

Группы — по конструкции купола

Типы — по форме купола

Подтипы — по средствам дополнительной защиты

Варианты — по декору

В ходе обсуждения стала очевидна необходимость создания схемы с обобщенными прорисовками каждого типа, работа над которой ведется в настоящее время.

К. Чугунов сделал несколько комментариев о сянби, «моде» на них в китайских, монгольских и сибирских научных кругах и призвал осторожнее использовать этот этноним — он относится скорее к эпохе, чем к конкретному народу. Также К. Чугунов рассказал об историческом заповеднике

в Барнауле и реконструкции шлемов под руководством В. В. Горбунова.

О. В. Шаров высказал предположение, что сарматы могли заимствовать пластинчатые шлемы у сяньби — а не у китайцев. Также он обратил внимание на сходство секторных клепанных сяньбийских шлемов VI в. с некоторыми древнерусскими шлемами — например, шлемом из Чернигова.

Сергей Каинов

19 марта 2011, 16:36

«Также он обратил внимание на сходство 4-секторных клепанных сяньбийских шлемов VI в. с некоторыми древнерусскими шлемами — например, с шлемом из Чернигова».

Если речь идет о подобных шлемах — http://vkontakte.ru/kserg73#/kserg73?z=photo468259_2..., то там схема сборки отличаются от «черниговских» шлемов. У последних налобная и затыльная пластины наложены на боковые, у первых — налобная наложена на боковые, которые, в свою очередь, наклепываются на затыльную часть.

Семинар «Хронограф»

24 марта 2011 г.

Олег Шаров

22 марта 2011, 10:06

Сообщение О. А. Щегловой и О. А. Радюша: Волниковка — комплекс гуннского времени в Курской области.

Олег Шаров

25 марта 2011, 9:49

Оля клятвенно обещала к субботе дать тезисы и переслать все картинки, там есть что обсуждать, например, в целом ряде деталей поясных наборов для их изготовления использовалось не золото, а медный сплав, возможно, латунь или просто бронза. И они (пряжки, поясные накладки) все позолочены, а не покрыты золотыми или позолоченными пластинками или фольгой, характерной деталью гуннской эпохи.

Олег Шаров

25 марта 2011, 23:54

Оля, пару фраз бы увидеть... А то вещи видят, а текста — какие они по материалу, технике изготовления и т. д. — нет. Естественно, предварительные замечания.

Олег Шаров

26 марта 2011, 19:46

В Муслимово у известной всем бронзовой клуазонной пряжки позолоченный язычок

и дужка, а также два наконечника ремня позолочены.

Если честно, я никогда на это не смотрел, считая, что все вещи гуннской эпохи либо золотые, либо бронзовые, обтянутые золотым или электровым листом.

Пряжка из Замостья и наконечники также позолочены, и мне где-то попадалось, надо проверить, что в Якушовицах также среди прочего есть детали пояса и узды из позолоченного серебра или бронзы. Уточню и напишу, если Мишель не опередит.

Олег Шаров

26 марта 2011, 19:55

Техника позолоты (в данном случае совсем не римских поясных бронзовых уборов и деталей узды) явно римская, но кто это все делал в той глуши? Неужели пленный мастер? Или вообще привезены? насколько я понимаю, в комплексах этого времени находки, изготовленные в подобной технике, большая редкость.

Олег Шаров

26 марта 2011, 22:41

Мишель, насчет СЗ согласен всегда был, я просто рассуждаю о редкости позолоты бронзовых изделий в варварской среде, техника была известна грекам и римлянам хорошо, вопрос — насколько они часто ее употребляли для костюма или же это все делали барбарикарии для варваров? Там есть на вещах смешение разных стилей орнаментации — как будто они знали уже и 1 стиль Бёме кербшнитный, и стиль Сездаль, и просто стиль тиснения по фольге (концентрические круги сточками). Опять же синие камни + красные более характерны для С2—С3, чем D. Смущают также достаточно толстые перегородки вещей в стиле клуазоннэ.

Олег Шаров

27 марта 2011, 10:28

Коллеги, я говорил лишь об изначальном происхождении позолоты из римских ателье, но, конечно, очень вероятно, что в V в. появились и варварские ателье. А вот где — на Дунае или на Днепре — это вам лучше знать.

Олег Радюш

27 марта 2011, 18:19

Общая информация из тезисов доклада.

Новое «княжеское» захоронение эпохи Великого переселения народов в Курской области

Летом 2010 г. сотрудниками ФСБ России по Курской области был предотвращен вывоз за границу уникального комплекса археологических находок, добытых в результате незаконных раскопок в Фатежском районе.

Комплекс был обнаружен в верховьях реки Усожа, левого притока р. Свапа впадающей в р. Сейм между Льговом и Рыльском. Предметы были обнаружены на склоне мыса одной из ныне сезонно обводняемых балок. Удалось выяснить, что погребение было разрушено в 1980-е гг. при строительстве трубопровода. Первые находки — меч и фрагменты золотой фольги — были сделаны строителями во время прокладки трубы, но эта информация не дошла тогда до сотрудников музея и органов охраны памятников. А в 2009—2010 гг. бывший житель соседней деревни, знавший о находке 1980-х гг., при помощи металлоискателя обнаружил здесь несколько вещей с позолотой и в течение нескольких месяцев производил незаконные раскопки с намерением продать интересные «золотые вещи». При этом «кладоискателем» были выброшены наименее ценные, с его точки зрения, детали, в частности, железные лезвия мечей: от них сохранилась лишь золоченая фольга. Для очистки найденных предметов находчик использовал антикоррозийную автомобильную жидкость. Впоследствии вещи были проданы перекупщику из Курской области за 50 000 рублей, откуда они ушли по цепочке в Брянск также к торговцу антиквариатом и копаными вещами. Отследив весь путь находок, и на основании имеющейся у правоохранительных органов информации о готовящейся продаже их за границу, всех трех участников удалось задержать, вещи были изъяты из дома находчика и сейфовой ячейки перекупщика. В средствах массовой информации появилось множество сюжетов (к сожалению, во многом наполненных домыслами и неточностями) относительно обстоятельств данной операции ФСБ и МВД.

У находчика и его посредников изъято более 140 предметов, среди которых — элементы конской сбруи, две парадные портупеи и мечи с ножнами. Портупеи состояли из серебряных и позолоченных прямоугольных накладок, нескольких псевдопряжек и трех крупных ременных пряжек с щитками, украшенными в стиле «клуазоннэ». В подобном стиле были оформлены и ножны одного из ме-

чей, от которых сохранились золотые обкладки из фольги с орнаментальным тиснением и детали крепления портупейной скобы. От меча остались перекрестие с полихромной вставкой и обкладка рукояти, выполненные из золотой фольги, янтарная бусина и полихромное навершие. Второй меч был богато декорирован вставками-кабошонами, от него сохранились перекрестие и грибовидное навершие. Детали уздечки представлены обломками железных псалиев с серебряными окончаниями, ременными обоями, пряжками, наконечниками ремней и колокольцами. Они изготовлены из серебра или латуни с позолотой и украшены чеканным орнаментом и кабошонами в гнездах. Очевидно, они происходили из погребения высокого социального статуса, относящегося к первой половине V в.

Летом 2010 г. сотрудниками Средне-Сейминской экспедиции Института археологии было произведено обследование местности с целью уточнения обстоятельств находки. Удалось установить, что в 1980-е гг. место находки было значительно повреждено строительной техникой, а само погребение, вероятно, было полностью уничтожено: все вещи происходили из отвалов. Археологами были обнаружены детали серебряной и позолоченной ременных гарнитур и два небольших обломка импортного сосуда из кобальтового стекла, а также кости лошади и сильно истлевшие фрагменты трубчатых костей. Следы курганной насыпи ни в данной зоне, ни в ближайшей округе не прослеживаются, а геофизические исследования, проведенные В. Г. Бездудным и Д. Шишковым, показали отсутствие каких-либо искусственных объектов вокруг обследованной зоны.

Находка из Фатежского района прекрасно демонстрирует особенности эпохи, выраженные в смешении стилей. Обнаруженные вещи имеют множество стилистически близких аналогий как в Северном Причерноморье и на Кавказе (украшения кабошонами в гнездах), так и в Центральной и Западной Европе (стиль «клуазоннэ» и элементы, выполненные в стиле «сёсдаль»). Данный комплекс принадлежит к серии «элитных» погребений, происходящих из данного региона. Первая известная нам находка — т.н. «Обоянский клад» — была сделана в 1848 г. в д. Паники Курской губернии. Она представляла собой стеклянный кубок и золотую гривну, очевидно, «вымытые» из погребального комплекса. В 1917 г. (или 1919 г.) в с. Б. Каменец крестьянами было найдено и полностью разрушено и разграблено богатое погребение с серебряными и бронзовыми сосудами, золотыми

украшениями и деталями одежды; спустя примерно 10 лет вблизи от первой находки обнаружены другие золотые вещи, происходящие, вероятнее всего, из аналогичного погребения. Сегодня все они экспонируются в Оружейной палате Московского кремля. В 1939 г. недалеко от г. Орла у д. Поршнино случайно во время сельхоз работ была найдена могила с двупластинчатыми фибулами, покрытыми золотыми пластинами с гранатами, мечом в золотых обкладках и римским золотым перстнем. К сожалению, все вещи были утеряны впоследствии во время войны; информация о самом захоронении крайне скудна. Однако этим списком практически и исчерпываются находки погребений высокого социального статуса на территории современной России; немногочисленны они и на Украине.

Концентрация погребений на территории Верхнего Посемья вполне может подтверждать предположения о существовании здесь варварских «королевств» в IV—V вв. н. э. — военно-политических объединений, образовавшихся после гуннского вторжения и разгрома «державы Германариха». В ближайшей округе разрушенного погребального комплекса в Фатежском районе были найдены несколько одновременных ему памятников, принадлежащих к «Льговско-Фатежской» группе, которая относится к финалу черняховской культуры. В основном, это кратковременные поселения, вероятно, окончательно гибнущие в первой четверти V в. в результате военных столкновений, все они относятся к выявленной в посеймском регионе локальной группе поселений финала черняховской культуры, по всей видимости, синхронных «княжеским» погребениям.

В результате работы, проведенной сотрудами ФСБ и МВД Курской области, все изъятые у грабителя и перекупщиков вещи в январе 2011 г. были переданы в Курский областной музей археологии, находчик по приговору суда осужден на 160 часов принудительных работ, его посредники благодаря несовершенству законодательной базы не понесли никакого наказания.

Олег Шаров

27 марта 2011, 23:17

Олег, спасибо за тезисы, только пришел, сяду читать. Первый раз у нас так, уже 2 страницы обсуждений, а тезисов все нет и нет.

Олег Радюш.

28 марта 2011, 1:14

Надеюсь, что Ольга Алексеевна и свою часть выложит вскоре.

Свое мнение по поводу соотношения южных находок (Б. Каменец и Обоянь) и северных (Фатеж и, вполне вероятно, Поршнино) я в докладах озвучивал.

Очевидно, отличался и статус погребенных. Все-таки, первые находки гораздо основательнее. Хотя идея обряда близка: спрятать как можно надежнее. На докладах упоминал забавную легенду из Фатежского района («Разбойничий край») — именно Усожа фигурирует как река, в берегах которой разбойники прятали награбленное и убитых. Кто знает, может, это отголосок неизвестных нам находок, сделанных в прошлом. А балка рядом с мысом именуется именно Разбойничьей.

Думаю, что такие же небольшие группировки типа Льговской-Фатежское стоит поискать и в других труднодоступных местах в черняховском приграничье.

Может быть, что-то даст С14, попробуем из кожи сделать (маленький кусок сохранился на одной из накладок, которые мы нашли на месте).

Олег Шаров

28 марта 2011, 11:25

Олег, а ты знаешь позолоченную латунь? Я не знаю, это или серебро, или бронза, конечно, только анамнез все покажет, но смысла золотить латунь особого нет.

Олег Радюш

28 марта 2011, 13:08

Насчет дат я тоже примкну к оптимистам. Если есть возможность сделать, то почему не сделать?

На докладе уже замечали, но можно повториться. А насколько нам известна Византия? Да даже Восточная Римская империя? Где сопоставимые объемы находок из Турции и ближайших территорий? Не самые пустынные земли империи были. Плотность населения больше, чем в Барбарикуме.

Олег Шаров

28 марта 2011, 14:31

Макс, конечно, по анализу, когда цинк выявится более 4%, а в древности латунь и делали для внешней замены золотых вещей. Ну когда там было от 22% и выше, посему могли делать все вещи в данном кладе в принципе из лома в смеси бронзы и латуни, но и из низкоцинковой латуни тоже. Еще раз говорю, анализ все покажет.

Олег Радюш

28 марта 2011, 19:37

С вещами понятно, сюжетов много. А вот с т.н. «речными» погребениями? Что

в Европе известно? В археологии, естественно. Чей обряд?

Олег Радюш

28 марта 2011, 20:50

То есть только Иордан.

Сергей Агапов.

28 марта 2011, 20:51

Есть несколько взглядов на причину появления латуней. Господствуют две — первую привел Шаров, латунь по цвету похожа на золото, но латунь приобретает «золотой» цвет после 20% цинка. В любом случае нужен спектральный анализ. Есть и вторая точка зрения — температура плавления латуней на 200—300° ниже бронзы и меди, при очень высокой текучести, что позволяет делать ювелирку с глубоким рельефом и деталями, серийно. Работ по анализу цветного металла по вашему времени я что-то не припомню. Нужны специальные аналитические исследования и только после этого можно говорить о цветах и технологиях.

Олег Шаров

28 марта 2011, 21:47

Олег, как я и говорил, Перещепино тоже на берегу реки, а Концешты на берегу реки Прут.

Олег Радюш

28 марта 2011, 21:56

Концешты и Перещепино помню. Но интересно, что в Европе.

Михаил Казанский

28 марта 2011, 22:34

Перещепино к делу не относится, это всё же VII в., а в Концештах точно — вода из ручья попала в камеру и вымывала золотые бляшки. Но западнее я такого не припомню.

Олег Шаров

28 марта 2011, 23:17

Есть и юго-восточнее — Зеленокумск: «Весной 1980 г. в Ставропольский краеведческий музей поступило сообщение, что в пойме р. Кумы рабочие наткнулись на древнее захоронение. По словам очевидцев, курганного возвышения на месте могилы не было. В могиле находились кости человека и лошади. Скелет погребенного лежал на спине, головой на восток. Лошадь располагалась несколько выше и правее. При по-

гребенном рабочие нашли комплекс золотых и бронзовых предметов».

Максим Левада

28 марта 2011, 23:30

Самое западное — это Пуан.

Олег Радюш

28 марта 2011, 23:33

Зеленокумск, надо, понимать также без фиксации?

Максим Левада

29 марта 2011, 0:10

В старом русле речки в XIX веке.

Олег Шаров

29 марта 2011, 0:54

Еще Федоровка в Куйбышевском, размытое внешними водами, то есть в пойме реки — табл. 34 Засецкой. Вероятно, Здвиженская — см. с. 168 ИПЗ: «на берегу р. Маныч местный житель увидел торчащую кость конской головы, а под ней курганчик, половина которого уже обрушилась в реку».

Олег Шаров

29 марта 2011, 1:31

Также погребение у Мелитополя совершено в Кизиярской балке (табл. 7 по ИПЗ). Мишель, я думаю, что это была старика — старое русло или пересохший приток, и вполне в то время могла там стоять вода, по крайней мере, точно весной во время половодья и осенью во время дождей.

Олег Радюш

29 марта 2011, 2:58

Судя по описанию Каменецкой находки, и ситуации, виденной в Каменце, Паниках и Фатеже — погребения устраивались не в самом дне, а скорее в берегу.

Олег Шаров

29 марта 2011, 10:25

Это понятно, посмотри ИПЗ, с. 16. — единичные погребения, изолированные от могильников и расположенные в укромных местах: на берегу реки, оврага или в пещере (Прил. 2, №№11—22).

У Иордана один из вариантов, самых редких — для царей, а то, что мы видим, включая Фатеж — это лишь знать не очень высокого ранга, и вряд ли для их погребения стали бы отводить русло реки, вот с Концештами может быть...

Олег Радюш**29 марта 2011, 11:01**

Отведенное русло — это, понятно, не для каждого. Концешты тоже сомнительны как царское погребение.

Но получается, что эти погребения не кочевнические.

Олег Шаров**29 марта 2011, 11:57**

Это те, кто входил в состав гуннского объединения, явно не готы, скорее, надо искать, у кого в Азии был подобный обряд погребения.

Олег Радюш**29 марта 2011, 12:14**

А что, постчерняховская элита не могла позаимствовать обряд? Или он, напротив, возникает в момент, когда стало необходимо прятать покойников? Ведь основная задача таких погребений — не продемонстрировать место, как в случае с курганами, а как можно надежнее скрыть его, о чем Иордан и пишет. К сожалению, погребения высокого уровня и в Черняхове неизвестны.

Олег Радюш**29 марта 2011, 13:28**

В Каменце тоже склеп, похоже, был, да золотая гривна с золотыми браслетами, да сосуды византийские. И никакой позолоты — все по-честному.

Да и шлем в Концештах выдали союзнику — без золота и камней, разве что в комплект к серебряному сервизу.

Алексей Комар**29 марта 2011, 16:01**

Максима следует поправить на счет С14 — Штадлер утверждал, что «белое пятно» на гуннском времени начинается где-то с 40-х гг. (для 30-х ещё «работает») и до конца века тоже не дотягивает, другое дело — точность самого метода. Я, к сожалению, все еще не могу получить результаты С14 из двух лабораторий, куда дали образцы из слоя времени строительства Десятинной церкви, тогда бы похихикали или наоборот.

Тонкое золочение — однозначно продукция стационарной технологичной мастерской. Да и грубое, подобное тому, которым замазали блюдо Патерна из Перещепины, требовало наличие ртути, а это — весь спектр последующих вопросов: где брали ртуть, как хранили, как транспортировали.

В Перещепине не «речное» погребение — там обширная пойменная часть, кото-

рая в аридном климате VI—VII вв. однозначно стояла сухая.

В остальных случаях согласен с Мишелем — как различить обычную эрозию берега (на днепровских водохранилищах каждый год съедается по 2—3 м правого берега) от намеренно «берегового» погребения?

Олег Шаров**29 марта 2011, 18:56**

Легкое фэнтези...

А если подумать по-другому? Обычно люди выбирали высокие места, чтобы были далеко подземные воды, хорошо и далеко видно со всех сторон и т. д. В нашем случае явно все наоборот. Одиночные, тайно, чтобы не нашли, всегда относительно богатые. В этом варианте имеет смысл делать даже не в берегах, которые обвалятся, а реально в самой реке или в пещере. А если в сухой пойме или в старом русле совершено погребение, которое во время весенних или осенних паводков может быть вымыто, то смысла в этом мало. Вряд ли люди думали «а если русло реки изменит свой путь и погребение обнаружат?» Полагаю, что погребения в пойме и показывают, скорее всего, речные погребения, и пойма и была руслом рек IV—V вв.

Олег Радюш**29 марта 2011, 19:43**

В Каменце крестьян допрашивала ВЧК, правда, через десять лет.

Каменная кладка стенок упоминалась, и, если верить крестьянам же, сохранилась органика.

Михаил Казанский**29 марта 2011, 19:59**

ВЧК, конечно, — аргумент!

Мне непонятна логика Олега Шарова. Это речные погребения, потому что они должны быть речными?

А то, что река на этом месте была аж в неолите, — это не важно? Почему тогда не морские, третичного периода?

Олег Шаров**29 марта 2011, 21:20**

Ну не только поэтому, согласен, Иордан записал либо реальность, либо легенду, все же почти 150 лет прошло.

Я пытаюсь себе, прежде всего, объяснить, почему все же так немало погребений в берегах рек, в поймах рек, в оврагах? Необходимо тайно захоронить, и чтобы погребение не разграбили или не размыло, отсюда и идеи по поводу пойм. Мишель, мы

точно знаем геоландшафтную ситуацию для рубежа IV—V вв. в Европе? Думаю, что нет. Мои мысли вслух — это попытка понять людей, хоронивших тайно (в воде, овраге, пещере) знатных покойников. Поэтому до абсурда про третичный период доходить не надо. Это попытка выявить связи между близкими хронологически погребениями одной эпохи...

Максим Левада
29 марта 2011, 21:32

Олег опять прав! Это отдельные погребения. Причем, элиты! Место для них как-то выбирали. Причем неслучайно! Надо искать закономерности!

Михаил Казанский
29 марта 2011, 21:36.

Олег, может, и так, но это не повод относить все княжеские погребения к приречным. Тем более — по всей Европе.

Максим Левада
29 марта 2011, 21:46

Не повод, так об этом никто и не говорил!

Олег Шаров
29 марта 2011, 22:27

Я и не отношу, Мишель. Я перечислил в обсуждениях только те погребения, которые связаны условиями находок с берегами или поймами рек, их оказалось немало, то есть существует некая группа одиночных погребений со сходными отдельными деталями обряда, относящаяся к одному достаточно узкому отрезку времени — рубежу IV—V вв. и первой половине V в. Кто это, и можно ли их связать по этому признаку обряда, конечно, надо доказывать в каждом случае. Но существует некая вероятность, что это совсем не случайная группа погребений, к ней же и относится фатежское.

Михаил Казанский
29 марта 2011, 22:31

А с этим никто и не спорит. Их выделила Засецкая еще в 1970-е гг.

Но началось с того, что в эти погребения стали тащить Пуан, потому что погребение оказалось в русле доисторической реки. Вот я и говорю, давайте поосторожнее.

Максим Левада
29 марта 2011, 22:32

Вот именно! Отдельные высокого статуса погребения в берегах рек!

Михаил Казанский
29 марта 2011, 22:36

Да, так, наверное, правильнее. Но что интересно — Засецкая имела в виду гуннов (Олег цитировал примеры). А здесь мы явно вне гуннского контекста.

Олег Шаров
29 марта 2011, 22:48

Да, это другое. Думаю, искать надо все же ввиду редкости такого обряда на Западе, на востоке. Готов и аланов исключаем, остаются народы X, акациры тоже вряд ли, кстати, как там Морской Чулек поживает с этой точки зрения? Между прочим, два из этих комплексов в Ставрополе были найдены.

Сергей Агапов
29 марта 2011, 23:04

«Требовало наличие ртути, а это весь спектр последующих вопросов: где брали ртуть, как хранили, как транспортировали».

Это справедливо если использовали именно ртуть, а если киноварь в порошке? И по поводу стационарной мастерской для золочения, совсем не факт, я видел фильм, где индусский бродячий ювелир буквально на коленке, в придорожной пыли золотил железные булавки.

Олег Шаров
30 марта 2011, 1:24

Знаете, что смутило больше всего Ирину Петровну на докладе Радюша-Щегловой? Сочетание вещей двух разных стилистических групп в одном комплексе? Ни позолота, ни условия находки не вызвали, по словам Щегловой, никаких вопросов.

Олег Шаров
30 марта 2011, 10:38

Думаю, да, я тоже сказал Оле, что странно, есть такие комплексы и даже на любимом Боспоре все это есть. Как всем известно, там использовали технику позолоты в это время широко, помню навскидку, правда, только умбоны, но есть и другое, давно не смотрел материалы.

Олег Шаров
30 марта 2011, 20:04

Я сегодня в ГЭ говорил с Азбелевым по поводу этого обряда и поисков его на востоке — то бишь в Сибири, Казахстане и т. д. Излагаю тезисно те выводы, которые у меня родились после этого разговора: 1. Многие сибиряне-еведы считают, что данные погребения в оврагах, поймах рек, пещерах — это погребения, сде-

ланные наспех в пути, при больших миграциях племен на новые места.

2. С точки зрения современного человека — да, все тайное, погребенное в пойме или в берегах рек, оврагов может стать явным при эрозии, размыве берега с течением времени и т. д.

3. Для древнего человека было важно другое — те первые 40, 100 дней, после чего душа человека переходит (вместе с заупокойными дарами и утварью или нет) в иной мир, поэтому беспокоиться им — тем, кто их хоронил, — не о чем.

4. Сделано все, чтобы умерший человек достиг того места, которое заслужил по делам своим, и в этом случае дары и утварь вполне можно рассматривать разнопланово: а) как личные вещи, определяющие статус и ранг; б) как символы всех деяний, совершенных в жизни; в) возможно, часть вещей можно рассматривать как дары богам.

Олег Шаров

31 марта 2011, 0:12

Я узнаю ссылки и напишу, в целом, Азбелев занимается от таштыка и дальше, то бишь кыргызами. Я тоже полагаю, что группа эта неслучайна, тем более, именно в этот отрезок времени.

Олег Радюш

31 марта 2011, 11:07

Олег, тогда хотелось бы узнать, сколько таких погребений было, и их датировку.

Олег Шаров

31 марта 2011, 12:16

Я в этой теме все назвал со ссылками на ИПЗ 1994, около 10, все конца IV — первой половины V вв., разбираться надо с каждым отдельно. Такие пойменные, береговые, овражные погребения есть и позднее, но реже. Посмотри все, что я писал выше, я все перечислил, это без поисков специальных везде и всюду. Единственно, Муслимово раньше — СЗ.

Олег Шаров

31 марта 2011, 12:32

Муслимово, Концешты, Зеленокумск, Федоровская, Здвиженское, Мелитополь точно, остальные надо вспоминать.

Олег Радюш

31 марта 2011, 14:11

По ИПЗ — это понятно, речь шла о восточных параллелях обрядов. Что у них там в оврагах, поймах и пещерах.

Олег Шаров

31 марта 2011, 14:21

Общее, то, что все эти комплексы связывает — вещи в условно едином полихромном стиле — это мода эпохи, то есть разные ателье работали в приблизительно близком одном стиле (по ИПЗ — в IV—V вв.). Выделяется также и частное или индивидуальное, то есть тип погребального сооружения, обряд, наличие дополнительных деталей и т. д. Эти вещи индивидуальны для каждого комплекса — инсигнии или нет, отражающие статус, разбираться надо в каждом случае. В Концештах есть и курульное кресло, и шлем, и ваза, ни в одном из этих комплексов такого нет.

Олег Шаров

31 марта 2011, 16:21

Кроме странных комплексов в Керчи, готских или нет, вопрос...

Максим Левада

31 марта 2011, 16:43

А венки, по идее, должны быть признаком гражданина.

Олег Шаров

31 марта 2011, 23:46

Вообще говоря, венок был связан с античным погребальным обрядом, и вполне могли и аллохтоны перенять этот обряд у боспорян, как знак своего нового гражданского статуса — вероятно, и в жизни, и, соответственно, после смерти. Но Госпитальная, скорее всего, не боспоряне, слишком уж меняется весь вещевой инвентарь, хотя при этом сохраняются все погребальные традиции Боспора — и венки, и бляшки одежды, и склепы с лежанками или гробами и т. д.

Олег Шаров

1 апреля 2011, 0:49

Да, это важно для римлян или для граждан Рима или их союзников с гражданством. А то что при жизни, да — например, Каллисфен. Надпись и гласит, что награждают парафилагафа Юлия Каллисфена прижизненным золотым венком.

Михаил Казанский

1 апреля 2011, 1:39

Еще раз повторяю вопрос: где внятно написано, что погребальные венки связаны со статусом римского гражданина?

Не всякие там триумфальные, гоночные и штурмовые награды, а именно погребальный венок?

Михаил Казанский
1 апреля 2011, 10:32

А там где в погребении, там и погребальный!

Прошу все же сосредоточиться и постараться ответить на мой вопрос: Когда мы находим в могиле погребальный венок (то есть тот, в котором погребенный был погребен — теперь понятно?), есть доказательства в каких-либо источниках, что в венках хоронились исключительно римские граждане?

Олег Шаров
1 апреля 2011, 10:40

Я посмотрю обязательно, в целом, в античной археологии, — это аксиома, но проверить надо.

Михаил Казанский
1 апреля 2011, 11:15

Спасибо, а то сколько аксиом на моей памяти приказали долго жить.

Вячеслав Масыкин
1 апреля 2011, 13:28

Целая серия погребений с античными золотыми венками известна в позднескифской культуре: в Усть-Альминском некрополе, в кургане у с. Магараж (Бахчисарайский район), у сарматов — Косика к северу от Астрахани. Почти во всех случаях с римскими импортами. Но считать ли их римскими гражданами? Скорее, влияние античного погребального обряда (наряду с разными другими деталями).

Олег Шаров
1 апреля 2011, 20:56

А гражданство получали многие знатные варвары и в I и II вв., а уж в III в., после 213 г., могли хоронить спокойно с венком все люди, проживающие в Империи. Все становились гражданами Римской Империи. Это, конечно, всего не объясняет, все равно надо посмотреть. Заимствование обряда или обряд по неким канонам?

Олег Радюш
2 апреля 2011, 1:46

http://www.artkavun.kherson.ua/a_chaplet_is_in_ancie...

Вячеслав Масыкин
2 апреля 2011, 4:47

Все погребения с венками из позднескифских некрополей относятся к I в. К вопросу о гражданах и союзниках: почти всегда венки находятся в женских погребениях. В Заветном

(Алма-Кермен) к этому же времени относится погребение (женское) с венком. Причем, со второй половины II в. там существует римская крепость, но в некрополе никаких венков в это время нет. Насчет сарматского погребения в Косике показательно название статьи М.Ю. Трейстера: «Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике)». Как известно, Фарнак безуспешно воевал с Римом, но это вопрос интерпретации.

По-моему, вопрос примерно из той же серии: фибулы типов Алезия-Авцисса, шарнирные Т-образные в Империи носили военные и чиновники. Следовательно, все, кто похоронен с ними в Барбарикуме, либо были на службе, либо сняли с трупов.

Вячеслав Масыкин
2 апреля 2011, 6:10

О том, чего мы не знаем, здесь: http://vkontakte.ru/club3884720#/photo-3884720_24270... Один из усть-альминских венков. Листья совершенно античные. Но вот есть центральная пластина с изображением женской фигуры. Много ли таких венков в античных памятниках?

Максим Левада
2 апреля 2011, 6:52

То, что пластина и венок были на голове, необязательно говорит, что это один «головной убор». Их могла быть и два. А еще мы не знаем, каков был статус этих людей. То, что они не эллины, вовсе не значит, что они не были как-то инкорпорированы в эллинскую общину.

Вячеслав Масыкин
2 апреля 2011, 7:18

Как бы то ни было, почти всегда это женщины. Похоронены они, во многих случаях, в деревянных гробах, которые совсем не отличаются от античных. Насчет эллинизации — термин «поздние скифы» условен и никак не отражает этническую принадлежность. Кто эти люди, большой вопрос.

Олег Шаров
2 апреля 2011, 10:30

Возможно, это жительницы Херсонеса или Боспора, взятые в плен или вышедшие замуж за варваров, поэтому мы видим сочетание признаков позднескифских, сарматских и эллинских черт в погребениях I в. Заметьте, что за пределами Херсонеса, Боспора и других античных городов такие погребения после I—II вв. н. э. единичны.

В любом случае, Мишель прав, все сложнее, и пользоваться общепринятыми аксиомами нельзя. Все сложнее, как в жизни.

Петр Шувалов

4 апреля 2011, 19:22

Если в плен — то странно, почему ж такое торжественное погребение. А если добровольно выходили за мужей-иностранцев — то это интересно. Тогда это означает, что эти мужи-варвары были престижны среди теток в Херсонесе!!!! Это очень любопытно!

Максим Левада

4 апреля 2011, 19:29

Это же Усть-Альма. Огромный центр очень близко от Херсонеса. Думаю, что нормально существовать без союзнических отношений и договора о мире они долго не могли.

Петр Шувалов

4 апреля 2011, 20:18

Вообще, с этими находками в источниках Псла-Сейма правильно кто-то сказал на семинаре, что там, рядом — трасса Муравского шляха. Но не только его. Тут вообще перекресток кучи средневековых дорог, кроме ответвлений Муравского шляха, еще трасса Киев-Казань (Бакаев шлях — Воронеж-Тамбов-Пенза...), — то есть здесь пересекались все дороги (кроме обходной Калмиусской сакмы — она труднее для идущего с Приазовья, так как нужна переправа через Донец ниже Изюма — то есть стада там не погонишь при перекечке), которые шли из Крыма, Приазовья и Танаиса (= Нижн. Дон, то что ниже устья Донца и Саркела) и среднего Днепра (Киев, Чернигов, Полтава, а также и Правобережья Днепра) на Оку и к Казани (правда с переправой через Дон у Воронежа). Впрочем, если гнать стада, а не военным отрядом идти, то и из района Саркела, да и со всего Нижнего Дона, лучше идти, не переправляясь через Дон, по водоразделу Дон-Донец с выходом на Калмиусскую сакму, а дальше (чтобы не переправляться через Сосну), с нее сойти, и у истоков Оскола — на Муравский шлях, то есть опять тут же. Так что именно тут те кочевники, которые имели зимники вдоль плавней и пойм Нижнего Днепра, в Северном Приазовье и в Крыму, а также с Нижнего Дона, гнали свои стада на север от летнего зноя и засухи весной и обратно осенью. Аналогичный перекресток степных шляхов на западе — у истока Ю. Буга.

Итого, именно тут, например, кутригуры должны были 2 раза в год проходить со все-

ми своими стадами, если для них предполагать по Плетнёвой стадию кочевания 2а, что вполне вероятно.

С номенклатурой согласен, но только для кутригуров мы знаем их места обитания, а для акациров и булгар — не знаем.

А тонуть в Псле им было и не очень надо — думаю, они шли там дальше к Туле и т. д. — на тамошние опушки лесов... Нормальное меридиональное кочевание.

Олег Радюш

5 апреля 2011, 0:55

В то время она, вероятно, менялась. Во всяком случае, обводненность балок была выше еще 50 лет назад. Сейм был судоходен до Рыльска, катера свободно ходили до Курска и вверх по Тускарю. Сейчас это кажется невероятным. Временем расцвета судоходства были 1780—1801 гг. Караваны барок собирали на Тускаре и под Обоянью. Видимо, с водой было лучше.

К тому же, облесненность была на порядок выше. Леса свели основательно, соответственно, на водный режим это тоже повлияло.

Олег Шаров

5 апреля 2011, 10:43

Коллеги, а может, тему акациров, болгар, Морского Чулека откроем отдельно? Видел вчера Олю Щеглову, только что вышла из больницы. куда легла на следующий день после доклада! Скоро будем обсуждать реальные вещи первой половины V в., я очень в это верю...

Петр Шувалов

5 апреля 2011, 11:32

Кочевнические пути обычно по водоразделу — так что уровень вод на них не влиял. Только вот вопрос с переправами — а их мало, а на некоторых путях вообще нет.

Олег Радюш

5 апреля 2011, 12:46

Междуречье Сейма и Псла, а также земли к востоку от Курска заняты в основном черноземами. В древности леса здесь могли быть только в виде дубрав, сравнительно небольших по площади. Серые лесные почвы фиксируются по пойме Псла, а также к северу от Сейма в его широтном течении. Фактически, это проход в сторону Среднего Поднепровья: <http://old.kurskcity.ru/book/enukov/pic/pic001b.gif>. С кочевниками совсем туго в плане памятников.

Восточная часть области (собственно, степная) с бассейнами Тима, Кшени, Северского Донца совершенно не изучены.

Петр Шувалов

5 апреля 2011, 13:23

Так пока не искали на Дону — там тоже памятников кочевников не было.

Аналогичная ситуация с отгонным пастушеством влахов: ходили каждую осень и весну из Бэрэганской степи и Буджака в карпатские котловины (где луга среди лесов!), например, из дельты Дуная и Днестровских плавней в Буковину (Dunăre 1975). А где памятники?

Олег Радюш

5 апреля 2011, 14:06

В том-то и дело, что это взгляд через замочную скважину. Посемье относительно хорошо пройдено, а все вокруг плохо и очень плохо. Это касается и лесной зоны в Брянской и Орловской, Верхнего Поочья в Орловской, степи и лесостепи в Белгородской (где в основном обследовалось Поосколье).

Алексей Комар

5 апреля 2011, 15:36

Насколько я смог проконсультироваться с почвоведом, ситуация V в.? когда десятилетие-два аридность, потом увлажнение, потом опять аридность и увлажнение — приводит к резкому засолению грунтов. В лесостепной части наиболее подвержены засолению луговые почвы. На них через некоторое время начинают расти галофиты, которые отказывается есть обычная славянская

скотина, но совершенно не против — кочевническая.

Проверял совпадение маршрута кочевников и полос соленых луговых грунтов пока только на одном примере — половцев и Переяславского княжества. Но очень смахивает на правду.

Михаил Казанский

5 апреля 2011, 16:24

В общем, в пойму Псла и притоков кочевники не ходили. Там, соответственно, и памятников кочевнических нет, сплошные киевский тип, черняхов и колочин.

А остальное надо изучать.

Как, кстати, нет памятников кочевников и на Верхнем Дону.

Олег Радюш

5 апреля 2011, 17:11

Может, и ходили, но следов пока нет. А Ишутинское с Вязовским на Красивой Мече к кому отнести?? На той же широте в Воронежской области курганы сарматские есть, да и в Липецкой Ленино — курган с золотом. Так что есть.

Олег Радюш

5 апреля 2011, 21:51

Ишутинское городище вязовский могильник II — начало III вв. Юг тульской области.

Про гуннское время и правда не слышно выше Задонска.